

ВЕРА МИЛЬЧИНА

«ФРАНЦУЗЫ ПОЛЕЗНЫЕ И ВРЕДНЫЕ»

НАДЗОР
ЗА ИНОСТРАНЦАМИ
В РОССИИ
ПРИ НИКОЛАЕ I

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Что такое Россия

Вера Мильчина

**«Французы полезные
и вредные». Надзор
за иностранцами в
России при Николае I**

«НЛО»

2017

Мильчина В. А.

«Французы полезные и вредные». Надзор за иностранцами в России при Николае I / В. А. Мильчина — «НЛО», 2017 — (Что такое Россия)

ISBN 978-5-4448-08443

Историческое влияние Франции на Россию общеизвестно, однако к самим французам, как и к иностранцам в целом, в императорской России отношение было более чем настороженным. Николай I считал Францию источником «революционной заразы», а в пришедшем к власти в 1830 году короле Луи-Филиппе видел не «брата», а узурпатора. Книга Веры Мильчиной рассказывает о злоключениях французских путешественников, приезжавших в Россию в 1830-1840-х годах. Получение визы было сопряжено с большими трудностями, тайная полиция вела за ними неусыпный надзор и могла выслать любого «вредного» француза из страны на основании анонимного доноса. Автор строит свое увлекательное повествование на основе ценного исторического материала: воспоминаний французских путешественников, частной корреспонденции, донесений дипломатов, архивов Третьего отделения, которые проливают свет на истоки современного отношения государства к «иностранному влиянию». Вера Мильчина – историк русско-французских связей, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований РГГУ и Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС.

ISBN 978-5-4448-08443

© Мильчина В. А., 2017

© НЛО, 2017

Содержание

Предисловие	7
1. Французы в России: паспорта, визы, надзор	9
Приезд в Россию	9
Органы надзора: полиция высшая и обычная, жандармы и таможенники	16
Пограничный контроль и тайный надзор	21
Паспорта, «билеты» и «виды»	26
Отступление: о французской паспортной системе	30
Посольство Франции в Санкт-Петербурге – защитник французских подданных в России	35
Выезд из России	41
2. Репутация французов: «вредные» и «полезные»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вера Мильчина
«Французы полезные и вредные».
Надзор за иностранцами
в России при Николае I

© В. Мильчина, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

Предисловие

Об отношениях России и Франции написано немало. Есть работы, посвященные влиянию французской литературы на русских писателей, восприятию французскими путешественниками России, а русскими – Франции, французам в России в 1812 году, французским инженерам, развивавшим русскую науку, и даже русским людям, которые сумели стать французскими писателями. Но тему отнюдь нельзя считать исчерпанной.

Русско-французские отношения в царствование Николая I (1825–1855) – это взаимные обольщения и взаимные страхи. Русские (включая императорское семейство) с удовольствием читали французских писателей и мечтали попасть на страницы их путевых заметок (разумеется, в лестном виде); французы (по крайней мере некоторые из них, недовольные отечественным политическим устройством) верили, что российская абсолютная монархия способна даровать подданным тот возделанный «порядок», которого не обеспечивает шумный французский парламент. Но в то же самое время русские (во всяком случае, в правительственных кругах) боялись, что французы принесут в Россию «либеральную заразу»; французы же (и не они одни) боялись, что русские опять, как в 1814 году, придут во Францию и завоюют ее. Теофиль Готье в очерке о своем путешествии в Испанию и пребывании в Гренаде замечает:

Когда ризничий, показывавший нам монастырь, узнал, что мы французы, он стал спрашивать нас о нашей стране и поинтересовался, правда ли то, о чем толкуют в Гренаде, а именно что российский император Николай ввел войска во Францию и захватил Париж.

Готье путешествовал по Испании в 1840 году, когда Россия и Франция вовсе не находились в состоянии войны; но ведь и дыма без огня не бывает; такую, следовательно, репутацию имела Россия в Европе. Не лучше была и репутация Франции в глазах российского императора; слова управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (высшей полиции): «Иностранцы – это гады, которых Россия отогревает своим солнышком, а как отогреет, то они выползут и ее же кусают» – отражают отношение российской власти к иностранным подданным вообще, но «почетное» первое место среди них, особенно после 1830 года, когда к власти в результате Июльской революции пришел «король французов» Луи-Филипп, безусловно занимали подданные Франции. На этой почве возрастали газетные утки и мистификации, дипломатические скандалы, необоснованные подозрения ни в чем не повинных людей, утопические мечтания, не выдерживающие столкновения с реальностью.

В книге речь пойдет обо всем этом, но в первую очередь – о судьбах французов в России. Однако судьбы эти неотделимы от той репутации, которую имела Россия Николая I в глазах французов, поэтому некоторые главы посвящены не французам в России, а России на страницах французских газет и книг или в донесениях французских дипломатов. Кроме того, поскольку судьбы французов, приезжавших в Россию, зависели от надзора, осуществлявшегося III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, вначале речь пойдет о функционировании этой организации и методах ее работы. Но моя книга – вовсе не история III Отделения и Корпуса жандармов (на эту тему есть много содержательных работ) и не история русско-французских отношений. Меня интересуют в первую очередь конкретные французы в их отношениях с Россией и русскими, то есть не история, а истории французов в России. Парадоксальным образом эти отдельные истории частных и притом, как правило, мало кому известных людей оказалось возможным извлечь из самых что ни на есть казенных архивных фондов – архива вышеупомянутой высшей полиции, хранящегося в

Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), и архива французского Министерства иностранных дел. Леопольда фон Ранке, призывавшего историков показывать, «как все было на самом деле», многократно обвиняли в наивности; однако мне – да и не мне одной – кажется все-таки, что, не имея такого намерения, не стоит и заниматься историей. Архивные документы об иностранцах в России чаще всего оповещают нас об имени и роде занятий безвестного приезжего, но не позволяют узнать что-то большее. Однако порой попадаются такие дела, которые дают возможность увидеть эпизоды из жизни французов в России изнутри, с разнообразными живописными подробностями, показать изнанку официальной истории, узнать, каким образом личные взаимоотношения «на местах», наивные заблуждения или хитроумные ухищрения, неосторожность или суетливость действующих лиц корректируют то, что написано в самых, казалось бы, объективных документах – высочайших указах и постановлениях правительства.

Но прежде чем перейти к историям, придется заняться историей – общими сведениями о том, какие бумаги французы (и вообще иностранцы) предъявляли при въезде в Россию и выезде из нее, как за ними наблюдали в то время, которое они проводили на территории империи, и кому было поручено это наблюдение, а также об отношении властей к французам «полезным» и «вредным». Об этом речь идет в двух первых главах. Разумеется, на нескольких десятках страниц рассказать обо всех подробностях российского законодательства, чрезвычайно запутанного и постоянно обновлявшегося, невозможно; за подробностями я отсылаю читателей к двум недавним монографиям, посвященным надзору за иностранцами: книгам О. Ю. Абакумова и А. В. Тихоновой (выходные данные см. в библиографии, помещенной в конце книги). Остальные главы посвящены отдельным эпизодам, отдельным судьбам и построены на архивных или газетных материалах.

1. Французы в России: паспорта, визы, надзор

Приезд в Россию

Что такое было для француза в 1820–1850-х годах – приехать в Россию? Известно, какие средства сообщения при этом использовались: французы прибывали в европейскую часть России либо по морю на пакетботе из Дюнкерка, Гавра или Любека, либо по суше в экипаже (железнодорожное сообщение между Парижем и Санкт-Петербургом появилось позже, во второй половине XIX века). Но чем Российская империя встречала француза на границе?

Самое знаменитое – но отнюдь не единственное – описание этой встречи оставил Астольф де Кюстин в книге «Россия в 1839 году» (1843). Кюстин приплыл в Россию морем в июле 1839 года. Пакетбот «Николай I» приблизился к Кронштадту на заре. Дальше произошло следующее:

Мы бросили якорь перед безмолвной крепостью; прошло немало времени, прежде чем пробудилась и явилась на борт целая армия чиновников: полицмейстеры, таможенные смотрители со своими помощниками и, наконец, сам начальник таможни; этот важный барин счел себя обязанным посетить нас, дабы оказать честь прибывшим на борту «Николая I» славным русским путешественникам.

Пакетбот, везущий Францию и все французское к российским берегам

Поскольку пакетботы, курсировавшие между Германией и Россией, имели слишком большую осадку и не могли войти в Неву, в Кронштадте пассажиры перебирались на другой,

более легкий корабль и уже на нем добирались до Петербурга. Кюстин продолжает свой рассказ:

Нам позволено взять с собой на борт этого нового судна самый легкий багаж, но лишь после досмотра, который произведут кронштадтские чиновники. <...> Мне предложили спуститься в кают-компанию, где заседал ареопаг чиновников, в чьи обязанности входит допрос пассажиров. Все члены этого трибунала, внушающего скорее ужас, нежели уважение, сидели за большим столом; некоторые с мрачным вниманием листали судовой журнал и были так поглощены этим занятием, что не оставалось сомнений: на них возложена некая секретная миссия; ведь официально объявленный род их занятий никак не располагал к подобной серьезности.

Одни с пером в руке выслушивали ответы путешественников, или, точнее сказать, обвиняемых, ибо на русской границе со всяким чужестранцем обходятся как с обвиняемым; другие громко повторяли наши слова, которым мы придавали очень мало значения, писцам; переводимые с языка на язык, ответы наши звучали сначала по-французски, затем по-немецки и, наконец, по-русски, после чего последний из писцов заносил эти ответы в свою книгу – окончательно и, быть может, совсем неточно. Чиновники переписывали наши имена из паспортов; они самым дотошным образом исследовали каждую дату и каждую визу, сохраняя при этом неизменную вежливость, призванную, как мне показалось, утешить подсудимых, с трудом сносящих эту нравственную пытку.

В результате долгого допроса, которому меня подвергли вместе с другими пассажирами, у меня отобрали паспорт, а взамен выдали карточку, предъявив которую я якобы смогу вновь обрести свой паспорт в Санкт-Петербурге.

Казалось бы, все необходимые формальности были исполнены. Однако прежде чем отплыть из Кронштадта, путешественникам пришлось ждать еще несколько часов, причем причины задержки они не понимали.

Наконец нас оповестили о причине столь долгого промедления. Главный из главных, верховный из верховных, начальник над всеми начальниками таможни предстал перед нами: его-то прибытия мы и ожидали все это время, сами того не зная. Верховный этот владыка ходит не в мундире, но во фраке, как простой смертный. Кажется, ему предписано играть роль человека светского: для начала он стал любезничать с русскими дамами <...> Наш светский таможенник меж тем, продолжая блистать придворными манерами, изящнейшим образом конфискует у одного пассажира зонтик, а у другого чемодан, прибирает к рукам дамский несессер и, храня полнейшую невозмутимость и хладнокровие, продолжает досмотр, уже произведенный его добросовестными подчиненными.

Наконец Кюстин и другие пассажиры смогли отплыть в Петербург. В петербургском порту судьба их сложилась по-разному: русские люди сошли на берег, а иностранцу Кюстину предстоял следующий этап общения с русской бюрократической системой:

Нам надлежало предстать перед новым трибуналом, заседавшим, как и прежний, кронштадтский, в кают-компании нашего судна. С той же любезностью мне были заданы те же вопросы, и ответы мои были переведены с соблюдением тех же церемоний.

- С какой целью прибыли вы в Россию?
- Чтобы увидеть страну.
- Это не причина. (Как вам нравится смирение, с которым подается реплика?)
- Другой у меня нет.
- С кем вы намерены увидеться в Петербурге?
- Со всеми особами, которые позволят мне с ними познакомиться.
- Сколько времени намереваетесь вы провести в России?
- Не знаю.
- Но все же?
- Несколько месяцев.
- Имеете ли вы дипломатические поручения?
- Нет.
- А тайные цели?
- Нет.
- Научные планы?
- Нет.
- Может быть, вы посланы вашим правительством для изучения общественного и политического положения в нашей стране?
- Нет.
- Значит, вас послала торговая компания?
- Нет.
- Итак, вы путешествуете по своей воле и из чистого любопытства?
- Да.
- Отчего же вы избрали именно Россию?
- Не знаю, и т. д., и т. д., и т. д.
- Имеются ли у вас рекомендательные письма к кому-нибудь из российских подданных?

Предупрежденный о неуместности чересчур откровенного ответа на этот вопрос, я назвал только своего банкира.

Перед этим судом предстали и многие мои сообщники-чужестранцы; они подверглись самому суровому допросу в связи с некими неправильностями, вкравшимися в их паспорта. У русских полицейских ищеек тонкий нюх, и они изучают паспорта более или менее пристально, смотря по тому, как понравились им их владельцы; мне показалось, что они относятся к пассажирам одного и того же корабля далеко не одинаково. Итальянского негоцианта, который проходил досмотр передо мной, обыскивали безжалостно, хочется сказать – до крови; его заставили даже открыть бумажник, заглянули ему за пазуху и в карманы; если они поступят так же со мной, я вызову у них большие подозрения, думал я.

Карманы мои были набиты рекомендательными письмами, часть из которых я получил непосредственно от русского посла в Париже, а часть – от особ не менее известных, однако письма эти были запечатаны, и это обстоятельство принудило меня не оставлять их в чемодане; итак, при виде полицейских я застегнул фрак на все пуговицы. Однако они не стали обыскивать меня самого, зато проявили живой интерес к моим чемоданам и тщательнейшим образом осмотрели все мои вещи, в особенности книги. Они изучали их нестерпимо долго и наконец конфисковали все без исключения, держась при этом по-прежнему необычайно любезно, но не

обращая ни малейшего внимания на мои протесты. У меня отобрали также пару пистолетов и старые дорожные часы; напрасно я пытался выяснить, что противозаконного нашли стражи порядка в этом последнем предмете; все взятое, как меня уверяют, будет мне возвращено, но лишь ценою множества хлопот и переговоров. Итак, мне остается повторить вслед за русскими аристократами, что Россия – страна ненужных формальностей.

Российские чиновники, впрочем, вовсе не считали эти формальности ненужными. Прежде чем поговорить о том, насколько достоверно это описание и что соответствовало ему в подлинных таможенных и полицейских постановлениях, приведем еще одну аналогичную зарисовку. Преимущество ее в том, что она принадлежит путешественнице, которая прибыла в Петербург морским путем, как и Кюстин, но на два месяца раньше него, в мае 1839 года, и рассказала о своих впечатлениях за четыре года до публикации кюстиновской книги. Путешественницу звали Сюзанна Вуалькен (1801–1877), она была женщина передовых взглядов, журналистка, сенсимонистка, предшественница феминизма, а в Россию приехала работать акушеркой и оставалась в нашей стране целых семь лет; ее письма к сестре, в которых она описывала свое пребывание в Российской империи, впервые были изданы только в конце XX века, в 1979 году, под названием «Записки сенсимонистки о ее жизни в России. 1839–1846». Так вот, Сюзанна Вуалькен описывает свое прибытие в Петербург следующим образом:

Проспав несколько часов, мы были разбужены на заре каким-то непривычным шумом. То были господа из высшей полиции в сопровождении таможенников; все они направлялись на свой пост с большим грохотом, не выказывая никакого почтения к нашим более или менее счастливым снам. Капитан, проходя мимо наших кают, разбудил нас, крикнув во все горло: «Поторопитесь, дамы и господа, имперские досмотрщики взяли нас на абордаж; поскольку ждать они не любят, они сейчас спустятся поздравить вас с прибытием». Сборы наши совершались в беспорядке и представляли собой зрелище весьма живописное. В то время когда матросы под пристальным надзором таможенников втаскивали на палубу товары и багаж пассажиров, внизу, в каютах, путешественники второпях бросали в саквояжи домашние туфли, жилеты и галстуки. Дамы, складывая свои вещи, старались скрыть от взоров местных аргусов мелкую галантерейную контрабанду: так поступают все, кто сюда приезжает. Агенты высшей полиции, или, если выразиться более пристойно, служащие императорской канцелярии, спустились, чтобы рассмотреть всех нас, прежде чем выдать нам дозволение въехать в страну. Все мы взяли в руки свои паспорта, а эти солидные господа начали допрос по всем правилам. Мы были обязаны не только удостоверить нашу личность, но и доказать, что мы питаем самые мирные и честные намерения касательно могущественной России. Операция длительная, достойная инквизиции и чрезвычайно оскорбительная. Когда настал мой черед, мне задали следующие вопросы, причем при каждом ответе сверялись с моим паспортом, словно желали выяснить, не солгала ли я: «Сударыня, как ваше имя, сколько вам лет, чем вы занимаетесь, к кому везете рекомендательные письма?» Затем они взглянули на подписи, стоящие под рекомендательными письмами, которыми я запаслась. «Письма ваши адресованы 2-же супруге посла Франции, а также нашим лучшим врачам, это превосходно, сударыня, – сказал мне главный чиновник и поклонился, – желаем вам успеха, вы

его достойны». Когда осмотр пациентов подошел к концу, у нас изъяли все книги, какие нашлись в нашем багаже, посулив, впрочем, что их нам отдадут все до единой, если, конечно, господа цензоры не найдут в них ничего предосудительного. <...> Когда все пассажиры по очереди удовлетворили любознательность почтенных господ чиновников, выставив свои имена и фамилии под протоколом этого долгого и скучного заседания, составленного в двух экземплярах, господа эти с нами простились.

Разумеется, Сюзанна Вуалькен не обладала красноречием Кюстина, однако описывает она примерно тот же процесс общения приезжих французов с российскими чиновниками на границе. Вдобавок у французов вид русских мундиров пробуждал порой воспоминания «о роковой эпохе, когда прекрасная Франция находилась в руках казаков», то есть о вступлении русской армии в Париж в 1814 году (эти чувства испытал в Кронштадте Луи Парис, герой нашей главы пятой). Заметим, что прибывший в Петербург в том же 1839 году, в мае, сын баварского художника-баталиста Петера Хесса, Эуген Хесс, описывает ту же петербургскую процедуру совершенно спокойно и без всякого возмущения, как нечто само собой разумеющееся: «На корабль поднялся чиновник и проверил наши паспорта. После этого мы сошли на берег». Таможенники же, поднявшиеся на борт корабля в Кронштадте, поразили молодого Хесса только тем, что были «ужасно грязными». Впрочем, баварский художник прибыл в Россию по приглашению российского императора. Что же касается французов, которые приезжали в Россию по своей воле, они сталкивались с бюрократическими процедурами задолго до того момента, когда добирались до границы, причем свои требования к путешественнику предъявляли власти обеих стран: и французские, и русские.

Любой француз, желавший выехать за пределы Франции (в том числе, естественно, и в Россию), должен был сначала получить заграничный паспорт; выдавал его префект (глава) департамента или – в случае если речь шла о парижанине – префект парижской полиции. Провинциалам при этом надлежало представить аттестат от мэра своей коммуны, а парижанам – от комиссара полиции своего квартала; если проситель не был лично известен мэру или полицейскому комиссару, он был обязан представить двух свидетелей, способных удостоверить его личность. В паспорте непременно указывалась страна назначения. За получение паспорта следовало заплатить 10 франков (сумма довольно солидная; за 10 франков можно было пять раз пообедать в приличном, хотя и не самом роскошном парижском ресторане). До 1828 года префекты, прежде чем выдать заграничный паспорт, должны были получить на это разрешение от министра внутренних дел; после 1828 года для убыстрения процедуры их наделили правом выдавать паспорта самостоятельно, с обязательством отсылать списки получивших паспорта в министерство (к сожалению, списки эти, за очень редкими исключениями, не сохранились: их уничтожили в конце XIX века). Но когда речь шла о поездке в Россию, процедура усложнялась: из префектуры паспорт вместе со сведениями о просителе следовало передать в Министерство внутренних дел, оттуда документ направляли в Министерство иностранных дел, а оно передавало его для визирования в русское посольство в Париже. Визированный паспорт возвращался в префектуру парижской полиции или в мэрию по месту жительства соискателя. Без российской визы нечего было и думать попасть в Россию (впрочем, и это правило, как любое другое, знало исключения, о которых речь пойдет ниже).

Французские католические священники, желавшие въехать в Россию, вдобавок еще должны были представлять официальное свидетельство, что они не иезуиты (поскольку члены этого ордена были официально высланы из России в 1820 году), и получать разрешение на въезд от Священного Синода. Когда в 1829 году некий аббат Купелье попросил принять его в русское подданство, одного лишь подозрения в том, что он принадлежит к ордену иезуитов, оказалось достаточно для отказа: император «повелеть соизволил выслать его за

границу», а пограничной службе приказал «иметь строгое наблюдение, дабы означенный иностранец в Россию пропущен не был».

Между прочим, условия перед французскими подданными ставила не только Россия; француз, собравшийся в Австрию, обращался за визой в австрийское посольство в Париже; тот, кто отправлялся в Германию, должен был получить визы от послов всех государств Германского союза, через которые он намеревался проезжать; своей визы на паспортах требовали Голландия и Пруссия; что же касается Англии и Соединенных Штатов Америки, то их виза была желательна, но не строго обязательна.

В мемуарной книге «Замогильные записки» (изд. 1849–1850) Франсуа-Рене де Шатобриан описал свою поездку в Австрию в 1833 году. Чтобы не привлекать внимания к своему путешествию, Шатобриан не стал обзаводиться новым паспортом и отправился в путь со старым, выписанным 11 месяцами раньше для поездки в Швейцарию и Италию и неоднократно использованным, о чем свидетельствовали многочисленные визы. Шатобриан проехал несколько стран и наконец добрался до Вальдмюнхена – деревни на баварско-австрийской границе, где его встретил австрийский таможенник – «злой рыжий старик, похожий разом и на венского полицейского шпиона, и на богемского контрабандиста». В течение пяти минут он изучал паспорт Шатобриана, а потом «пролаял»: «Я вас не пропущу». Далее между писателем и таможенником состоялся следующий примечательный диалог:

– Не пропустите? Как? Почему? – В паспорте не означены ваши приметы. – У меня паспорт дипломатический. – Ваш паспорт слишком старый. – Год еще не истек; паспорт не просрочен. – На нем нет визы австрийского посольства. – Вы ошибаетесь, виза есть. – На нем нет сухой печати. – Недосмотр посольства; но вы ведь видите визы многих иностранных посольств. Я только что пересек кантон Базель, великое герцогство Баденское, королевства Вюртембергское и Баварское и нигде не встретил ни малейшего затруднения. Мне было достаточно назвать свое имя; ни на одной границе мой паспорт даже не раскрыли. – Вы должностное лицо? – Я был министром во Франции, послом Его Христианнейшего Величества в Берлине, Лондоне и Риме. Я лично знаком с вашим государем и с князем Меттернихом. – Я вас не пропущу. – Может быть, мне нужно внести за себя залог? Может быть, вы приставите ко мне охрану? – Я вас не пропущу.

В конце концов Шатобриан все-таки пересек границу – но лишь благодаря вмешательству наместника Богемии. Беседа с австрийским таможенником имеет немало сходства с допросом, описанным в книге Кюстина, что лишний раз доказывает глубинное родство разных пограничных служб.

К французским паспортам мы еще вернемся, а пока нужно рассказать о тех, кто занимался надзором за иностранцами, которым все-таки удавалось пересечь российскую границу.

Органы надзора: полиция высшая и обычная, жандармы и таможенники

С 1826 года в России существовала специальная организация, в обязанности которой входил, среди прочего, надзор за иностранцами, которые приезжали в Россию на короткий срок или проживали в ней в течение длительного времени. Она называлась III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а сокращенно – просто III Отделением, или, как тогда выражались, «высшей наблюдательной полицией». Отделение это включало в себя несколько «экспедиций», у каждой из которых было свое особое направление работы. *Первая экспедиция* занималась «наблюдением за общим мнением и народным духом», сбором «сведений подробных о всех людях, под надзором полиции состоящих», «высылкой и размещением лиц подозрительных и вредных», «составлением общих и частных обозрений», а также предупреждением «злоумышлений против особы Государя Императора» и проч. В ведении *второй экспедиции* находились секты и фальшивомонетчики, изобретения и усовершенствования, жалобы по семейным делам. Иностранцами, «в России проживающими, в пределы государства прибывающими и из одного выезжающими», ведала *третья экспедиция*. *Четвертая экспедиция* занималась «всеми вообще происшествиями в государстве и составлением ведомостей по оным», то есть вела статистику этих происшествий и стихийных бедствий. *Пятая экспедиция* была создана лишь в 1842 году для ведения дел, связанных с цензурой, в основном театральной, которые находились в ведении III Отделения еще с 1828 года, но поначалу не были выделены в особое подразделение.

Во главе III Отделения был поставлен генерал-адъютант Александр Христофорович Бенкендорф, однако решения по всем сколько-нибудь значительным делам принимал лично император Николай I. Он и создал-то эту организацию именно для того, чтобы она состояла непосредственно при его особе, была «устроена по собственной мысли Его Величества, развита по его личным указаниям» (цитата из «Обзора деятельности III Отделения за 25 лет с 1826 по 1850 год»). В этом заключалось ее главное отличие от прямой предшественницы – Особенной канцелярии, которая была учреждена в 1811 году в составе Министерства полиции, а с 1819 года, когда это министерство присоединили к Министерству внутренних дел, действовала в его составе и также занималась, среди прочего, делами об иностранцах; преимуществом подчеркивалась тем, что управляющим III Отделением стал М. Я. фон Фок, в прошлом правитель Особенной канцелярии. В III Отделении по отдельным делам составлялись так называемые «всеподданнейшие доклады», в которых Бенкендорф (фактически же – подчиненные ему чиновники) излагал суть дела, а император накладывал резолюцию (позже мы не раз встретимся с этими высочайшими вердиктами, от которых зависела судьба приехавших в Россию французов). Бенкендорф обладал правом (высоко ценившимся в придворном мире) устного еженедельного доклада императору. В «Обзоре деятельности III Отделения за 25 лет» подчеркивалось, что когда в 1844 году после смерти первого главнo-начальствующего, графа Бенкендорфа, его сменил второй, граф Алексей Федорович Орлов, он «с самого начала увидел, что граф Бенкендорф обо всем доводил до сведения Его Величества, руководствовался только теми правилами, которые от монаршей воли, и вообще действовал по собственным его мыслям и указаниям». Правда, из подсчетов финского исследователя П. Мустонена следует, что император лично просматривал всего один процент поступающих в его канцелярию бумаг. И это не удивительно, если учесть их количество и тематический разброс (от «девицы Шегрен, в которой замечено развитие меланхолии» до «подполковника Бреверна, рассказывающего, что на Святой неделе под качелями могут быть неприятные события», от «безымянного доноса о причинах вреда: от соленой рыбы-белуги и от грибов-сморчков» до «просьбы жены полковника князя Андроникова о покровительстве

мужу ее, невинно оклеветанному в похищении из реки Пеша уроненного в оную почтально-ном денежного чемодана» и дела о «негре Белеле, ложно назвавшемся подпоручиком Петром Перловым»). Однако дела, связанные с подозрительными иностранцами, удаивались высочайших резолюций довольно часто.

В мемуарах и исторических преданиях III Отделение предстает организацией чрезвычайно могущественной, и роль его в функционировании государственного механизма Российской империи была в самом деле очень велика, однако штат – на удивление мал. В пору своего создания III Отделение насчитывало всего 16 человек (вместе с четырьмя чиновниками особых поручений – 20). Делами иностранцев ведали трое: титулярные советники П. И. Дольст (экспедитор), А. Г. Гольст (старший помощник) и А. А. Зеленцов (младший помощник). Общее количество чиновников, служащих в III Отделении, возрастало, но очень медленно: в 1841 году их насчитывалось 27 человек; в 1850 году, по прошествии четверти века после создания, – 35, а в 1880 году, когда эту организацию заменил Департамент полиции Министерства внутренних дел, чиновников там числилось все равно ничтожно мало, если учесть масштабы Российской империи, – всего 58 человек. Зато чиновники эти были очень высокооплачиваемые: в 1829 году, например, экспедитор получал в год 3000 рублей ассигнациями, старший помощник – 2000, а младший – 1200, что в три (для экспедитора) и два (для старшего помощника) раза превышало среднее жалование чиновника в это время. О скудости штатов III Отделения сравнительно с объемом работ свидетельствует ситуация с архивом: за 25 лет деятельности ведомства там накопилось около 30 000 дел, а меж тем штат архива состоял из одного-единственного чиновника. И только когда в 1849 году случился громкий скандал и из архива пропало два десятка дел с собственноручными резолюциями императора, штат архива расширили до трех человек: начальника и двух его помощников.

Конечно, количество иностранцев, приезжавших в Россию, было в николаевскую эпоху не за пределами огромным, но тем не менее оно исчислялось, во всяком случае для некоторых национальностей, не десятками, а тысячами. А поскольку все они – если прибывали в Петербург – обязаны были побывать в III Отделении, то работы у чиновников было немало. Например, в течение 1839 года в III Отделении побывало иностранцев, в первый раз прибывших из-за границы, 1607 человек (в их числе 251 француз); «возвратившихся на прежнее жительство» – 752; иностранцев, возвратившихся из других губерний, – 1720; итого в общей сложности 4079 человек.

* * *

В обязанности III Отделения входил надзор за иностранцами, но на границе приезжих встречали отнюдь не служащие этой организации (их число, как мы уже видели, было невелико, и вдобавок они находились в Петербурге, а иностранцы въезжали в Россию также и через другие населенные пункты). Границу охраняли чиновники, подчиненные Таможенной пограничной страже (с 1832 года просто Пограничной страже) департамента внешней торговли Министерства финансов. Они-то и проверяли у въезжающих паспорта и исследовали их на предмет наличия виз, выданных российским посольством.

Вот один из многочисленных примеров: 19 июля 1854 года от временного начальника Юрбургского таможенного округа¹ поступило в департамент внешней торговли донесение о том, что на одной из «рогаток» (застав) был задержан человек, назвавшийся французским подданным Иваном Сабатье (Jean Sabatier), и дежурный досмотрщик представил его в Таурогскую таможеню. Задержанный, у которого имелся паспорт, выданный марсельским мэром, но не завизированный в русском консульстве, показал на допросе, что он был уволен из

¹ Юрбург – в XIX веке город на границе России с Пруссией; ныне Юрбаркас на западе Литовской Республики.

французской военной службы, за принадлежность к обществу республиканцев приговорен к ссылке в Кайенну (Французская Гвиана) и, чтобы избегнуть этой участи, решил поступить в русскую военную службу. Таможенники «передали означенного Сабатье с найденными при нем бумагами в местную полицию, для поступления с ним по законам», а уже из полиции его затребовали в III Отделение: граф Орлов попросил генерал-губернатора гродненского, минского и ковенского «сделать распоряжение, чтобы помянутый Сабатье, со всеми его бумагами и вещами, был немедленно доставлен, под строжайшим присмотром, в III Отделение собственной Его Императорского Величества Канцелярии».

На границе работали таможенники, однако при необходимости они трудились не одни.

Дело в том, что III Отделение было далеко не единственным органом наблюдения за порядком. Оно осуществляло центральное руководство; сотрудники III Отделения занимались кабинетной работой в Петербурге, но при этом его главный начальник командовал также и вооруженной силой – созданным в 1827 году Корпусом жандармов, предшественником которого была учрежденная в 1815 году особая военная полиция – жандармские части, которые обеспечивали полицейский порядок в армии, а затем стали выполнять ту же функцию в городах. Первоначально все жандармские команды (в губернских городах) и жандармские дивизионы (в Петербурге и Москве) входили в учрежденный в 1816 году Отдельный корпус внутренней стражи, а в 1827 году их подчинили главноначальствующему III Отделением Бенкендорфу, который по совместительству стал еще и шефом жандармов (это, впрочем, самое общее описание ситуации; в реальности система была намного сложнее: вначале жандармские команды подчинялись шефу жандармов не полностью, поскольку в хозяйственном отношении по-прежнему составляли часть внутренней стражи). Страну поделили на пять жандармских округов, с жандармским генералом во главе каждого. Округа в свою очередь делились на несколько отделений (включавших в себя от одной до трех губерний), возглавляемых жандармскими штаб-офицерами. В 1830-е годы система усовершенствовалась: по одному штаб-офицеру было направлено в каждую губернию; расширилась и сфера действия жандармов: жандармские округа были созданы в Сибири, Закавказье и Царстве Польском. В общей сложности на первых порах штат жандармского корпуса составил четыре с лишним тысячи человек. В задачи жандармских команд на местах входило прежде всего наблюдение за порядком на ярмарках и «торжищах», балах и маскарадах, «усмирение буйства», поимка воров и преследование разбойников и т. д., причем, хотя жандармские команды в губерниях подчинялись жандармским штаб-офицерам, местные власти, в частности губернаторы и градоначальники, имели право при необходимости использовать их по своему усмотрению (но затем непременно рапортовать об этом шефу жандармов).

Впрочем, среди жандармов имелось своеобразное разделение труда: если низшие чины жандармерии в своих повседневных обязанностях нередко совпадали с низшей (земской) полицией, подчинявшейся Министерству внутренних дел, то главной обязанностью жандармских штаб-офицеров было *наблюдение* за губернским обществом: губернатором и местными властями, армейскими офицерами, иностранными путешественниками и пр. – и информирование вышестоящего начальства обо всех происшествиях и злоупотреблениях. Через посредство шефа жандармов информация поступала напрямую к императору. Жандармов иногда называют исполнительным органом при III Отделении, между тем по настоянию Бенкендорфа штаб-офицеры были лишены исполнительной власти, не имели права ни приказывать местному начальству, ни чинить ему препоны, а могли лишь доносить о его ошибках в Петербург, а далее шеф жандармов докладывал о происшествиях императору и/или тому министру, которого это непосредственно касалось. Как однажды афористически заметил Бенкендорф, жандармам следовало уподобиться посланникам в иноземных державах: «по возможности все видеть, все знать и ни во что не вмешиваться». Между прочим, не всем заинтересованным лицам это нравилось. 7 февраля 1852 года Л. В. Дубельт, управ-

ляющий III Отделением, записал в дневнике с явной завистью: «Во Франции сделано новое положение для жандармов. Оно совершенно сходно с нашим, исключая того, что французским жандармам дана и власть исполнительная – они могут сами собою арестовывать каждого».

Вообще статус жандармов был определен очень неясно. С одной стороны, при создании корпуса всячески подчеркивалось, что жандармы должны действовать не таясь и открыто завоевывать доверие населения; поэтому для них была узаконена заметная форма – сюртуки и шинели светло-синего цвета (те самые «мундиры голубые», которые с ненавистью упомянул Лермонтов в стихотворении, где он прощается с «немытой Россией»). Таким образом, самым своим внешним видом жандармы открыто объявляли о том, к какому ведомству принадлежат. Между прочим, так же поступали и сотрудники французской жандармерии, которую, по-видимому, брал за образец Бенкендорф, когда обдумывал свой проект жандармского корпуса. Французские жандармы исходили из того, что, в отличие от полицейских соглядатаев, обязаны действовать гласно и открыто; какие бы то ни было переодевания с разведывательными целями были им запрещены официально. С другой стороны, отнюдь не безосновательны были подозрения в том, что российские жандармы действуют также и как сотрудники тайной политической полиции. Именно жандармские генералы и штаб-офицеры призваны были сообщать в Петербург оперативную информацию и отвечать на запросы III Отделения касательно подозрительных особ. В «Обзоре деятельности III Отделения за 25 лет» эта двойственность описана очень внятно:

Служба жандармов требует способностей, ей одной свойственных; кроме ума, ревности и знания гражданского делопроизводства должно проникать в сердца людей, владеть искусством жить со всеми в согласии, уметь в тех или других случаях уклоняться от разных столкновений. Жандармы должны за всем смотреть и не быть явными полицейскими чиновниками; обо всем доносить и не заслужить названия шпионов и доносчиков; преследовать всякое преступление и не входить ни с кем ни в малейшую вражду; не укрывать злоупотреблений даже начальствующих лиц и в то же время оставаться в полном подчинении им: все это беспрерывно поставляет их в затруднительное положение, в борьбу с разными лицами и со своим долгом. Более можно найти способных людей для войны или для кабинетных занятий, нежели для службы жандармской.

Специфика жандармских штаб-офицеров заключалась еще и в том, что действия их определялись лишь краткой инструкцией самого общего порядка, которую Бенкендорф (возможно, при участии управляющего III Отделением фон Фока) составил еще в 1826 году, то есть более чем за полгода до указа об учреждении корпуса жандармов. Суть ее сводилась к тому, что жандармы должны бороться «против всякого зла». В феврале 1827 года к этой инструкции было выпущено дополнение, чуть более конкретное, но тоже упиравшее в основном на самостоятельность жандармских офицеров и «негласность» их действий – впрочем, вполне легальных. Если низшие жандармские чины получили более точное описание своих обязанностей и своего статуса в июле 1836 года, когда было издано «Высочайше утвержденное положение о Корпусе жандармов», то о высших чинах в этом положении сообщалось, что «обязанности губернских жандармских штаб-офицеров определяются особыми инструкциями шефа жандармов», подробные же «Правила о порядке действий» они получили лишь в 1871 году. Это положение дел отразилось в известной легенде о том, как сразу после создания III Отделения Николай I якобы протянул Бенкендорфу платок, чтобы «утирать слезы несчастных», и сказал, что это и есть его инструкция.

Хотя, как уже было сказано, жандармским штаб-офицерам предписывалось действовать самостоятельно и не вмешиваться в деятельность губернских властей и обычной полиции, отсутствие конкретных рекомендаций по разграничению сфер влияния усиливало элемент соперничества и вызывало сильную ревность среди губернского начальства. Соперничество это возникло сразу после создания III Отделения (его первый управляющий фон Фок жаловался на то, что полиция мешает «надзору»), но не прекратилось и в более поздние годы, когда в Петербурге, например, по свидетельству члена Государственного совета М. А. Корфа, вместо одной полиции действовало целых три: «прежняя, обыкновенная, полиция Бенкендорфа и контр-полиция Перовского [министра внутренних дел]». В главе третьей будет рассказано о том, к каким неприятным последствиям приводило это соперничество разных полиций в одном и том же городе.

Пограничный контроль и тайный надзор

Вернемся к участию III Отделения и жандармов в судьбе иностранцев. Выше уже говорилось, что в число тех сведений, какие должны были поставлять в Петербург жандармские офицеры, входили и сведения об иностранных подданных. В «Обзоре деятельности III Отделения за 25 лет» представители высшей полиции докладывали:

С такую же неустанностью III Отделение наблюдает за иностранцами, во множестве приезжающими в Россию. Оно старается узнавать характер этих людей, при самом прибытии их из-за границы. За теми из них, которые предварительно были мало известны или сомнительны, учреждается секретное наблюдение; видимо же подозрительных тотчас высылают за границу.

Контроль велся не только за теми, кто уже въехал в Россию, но и за теми, кто лишь собирался это сделать. Жандармы – порой не объявляя себя в качестве таковых – контролировали приезжающих иностранцев совместно с официальными стражами границы. В том же обзоре сообщается, например, что «в Одессе и Бессарабии учреждена постоянная секретная полиция, соединенная с карантинным управлением и с почтовой частью, под непосредственным наблюдением новороссийского генерал-губернатора. Эта секретная полиция, существующая доселе, имеет строжайший надзор за лицами, приезжающими из-за границы, и за иностранную корреспонденцией. С 1838 года в Юрбурге находится, из штаб-офицеров корпуса жандармов, пограничный комиссар. Прямая обязанность его состоит в прекращении пограничных беспорядков, особенно по торговле; но он, состоя в непрерывных сношениях с прусским комиссаром, весьма много способствует к сохранению вообще спокойствия на границе».

Впрочем, в контроле въезжающих иностранцев принимали участие сразу несколько государственных структур, и к помощи жандармов III Отделение в этой сфере прибегало далеко не всегда.

Статья 298 Устава о паспортах (в издании 1836 года) гласила:

Все приезжающие из-за границы должны записать в таможенных (на рогатке) свое имя, состояние, откуда и куда едут. В одних только особенных случаях, когда признается то нужным, посылаются от пограничных рогаток для надзора за приезжающим провожатый, но без всякой, однако же, ему задержки.

Продолжение содержится в статье 299:

Паспорта приезжающих должны быть явлены на пограничных заставах; и если они выданы согласно правилам выше установленным, то предъявители их пропускаются во всякое время без задержания, исключая того, когда о невпуске кого-либо предписано будет.

Относительно пассажиров, прибывающих морским путем, Устав в статье 300 извещал, что их паспорта свидетельствуются «офицером брандвахты», то есть военного сторожевого корабля, несущего караул в акватории порта. Статья 308, повторяющая соответствующий пункт из правил, «Высочайше утвержденных» в январе 1826 года, поясняла, на ком лежит ответственность за впуск в Россию исключительно тех иностранцев, которые запаслись правильными документами и не скомпрометированы неблагонадежным образом мысли: «Начальники губерний и пограничные начальства обязаны наблюдать за точным исполнением всех распоряжений касательно впуска приезжающих в пределы Империи, под

личною их ответственностью». Заметим, что ни III Отделение, ни Корпус жандармов здесь не упомянуты; речь идет о губернском и пограничном начальстве. Правило, согласно которому на время навигации в Кронштадт отправлялся чиновник III Отделения, было официально введено лишь в 1857 году, но и этому чиновнику «в помощь назначался со стороны кронштадтского военного губернатора флотский офицер с внутренней брандвахты» (приложение к статье 1320 Устава таможенного по европейской торговле). Однако пограничная стража была обязана еженедельно представлять в III Отделение ведомости о прибывших иностранцах, которые затем просматривал сам император.

Именно от пограничной стражи и губернского начальства поступали в III Отделение сигналы о подозрительных иностранцах, а III Отделение, проинформировав императора и узнав высочайшую волю на этот счет, сообщало губернаторам, как им следует действовать: высылать иностранца или пропускать (возможно, учредив за ним негласный надзор). Вот один из многочисленных примеров.

В мае 1831 года генерал-губернатор Финляндии граф А. А. Закревский получил от местной финской администрации донесение о том, что в Финляндию прибыли – с намерением продолжить путь до Петербурга – два французских подданных, помещики Делиот и Каstellен де Лепре, утверждающие, что путешествуют они для своего собственного удовольствия, и снабженные паспортами от российского посланника в Швеции графа Сухтелена. Закревский немедленно предписал местной администрации устроить за «поведением и всеми поступками» французов «неприметный полицейский надзор» и известил о появлении французов главу III Отделения и шефа жандармов графа Бенкендорфа. Тот в свою очередь уведомил о путешественниках министра иностранных дел вице-канцлера графа К. В. Нессельроде и генерал-губернатора Санкт-Петербурга П. К. Эссена, которому дал распоряжение продолжать надзор за двумя французами по прибытии их в столицу. Эссен отдает соответствующее приказание петербургскому обер-полицмейстеру и докладывает об этом Бенкендорфу. Между тем об учрежденном за двумя иностранцами секретном надзоре поступает от Бенкендорфа доклад императору, и тот высочайше повелевает «принять надлежащие меры к неослабному наблюдению за сими иностранцами». Нессельроде, со своей стороны, извещает Бенкендорфа, что «до Министерства иностранных дел не дошло никаких предосудительных сведений насчет французских подданных виконта Гипполита Адольфа Делиота и Альберика Луи Каstellена де Лепре, и как они снабжены паспортами инженер-генерала графа Сухтелена, то я полагаю, что им можно позволить прибыть в Санкт-Петербург». И наконец, заканчивается дело двух французов докладом Эссена Бенкендорфу о том, что, по донесению петербургского обер-полицмейстера, за ту неделю, что они находились в столице, ничего предосудительного за ними не замечено, поэтому им выданы «билеты» (от французского слова *billet* – записка) на проезд в Москву, а «о продолжении за ними надзора сообщено г-ну московскому военному генерал-губернатору».

В рассмотренном случае чиновники III Отделения сами не занимаются ни выявлением нежелательных приезжих, ни слежкой за ними; они собирают соответствующую информацию и, доложив о случившемся императору и получив от него ответ, сообщают генерал-губернаторам или губернаторам о том, что следует предпринять, а те в свою очередь отдают приказания обычной полиции. Как осуществлялся контроль, видно на примере французского торговца духами Мориса Морена: он был взят под тайный надзор в 1824 году, то есть еще при Александре I – и Санкт-Петербургский генерал-губернатор Эссен, опираясь на рапорты обер-полицмейстера, регулярно информировал Бенкендорфа о его приездах из Москвы в Петербург для выезда за границу, а затем о возвращении в Петербург и отъезде в Москву, «долгом поставляя присовокупить, что за означенным иностранцем ничего предосудительного не замечено», в связи с чем в 1837 году Санкт-Петербургский обер-полицмейстер наконец «испросил разрешения на прекращение дальнейшего надзора». Тут-то Бенкен-

дорф и попытался выяснить, чем, собственно, провинился французский купец и по какой причине за ним наблюдали. Поскольку в 1824 году высочайшее повеление было сообщено Санкт-Петербургскому генерал-губернатору бывшим начальником главного штаба графом Дибичем, в 1837 году уже шесть лет как покойным, Бенкендорф послал запрос военному министру Чернышеву, а тот, разумеется, ответил, что в делах военного министерства таких сведений не имеется. Заканчивается эта история посланием Бенкендорфа Петербургскому генерал-губернатору Эссену:

Оказалось, что Высочайшее повеление об учреждении за сим иностранцем секретного надзора последовало в 1824 году по той единственно причине, что при первоначальном приезде своем в Россию он вовсе не был известен правительству.

А поскольку, подытоживал Бенкендорф, впоследствии выяснилось, что Морен, «путешествуя по торговым делам, приезжает в здешнюю столицу каждый год» и «ни в каких предосудительных поступках не замечен», то он, Бенкендорф, не предвидит никакой надобности в дальнейшем иметь за Мореном наблюдение. Надобности, впрочем, не было никакой и в предыдущие годы, но машина, однажды запущенная, останавливалась с большим трудом.

Если надзор за купцом Мореном осуществляли только обычные полицейские, то в других случаях параллельно с ними действовали жандармские штаб-офицеры, получившие соответствующее поручение от III Отделения. Вот история «отставного французской службы поручика Ипполита Шарло де Лаво», который, как и многие его соотечественники, упомянутые на страницах этой книги, проявил неосторожность и в письме к парижскому другу не слишком лестно отозвался о России. 1 декабря 1844 года он написал, а 9-го отнес на почту письмо к графу де Понсу, в котором Россия описана как страна, где «однообразное течение жизни усыпляет все способности ума», где люди «с наслаждением предаются существованию сугубо животному», где царит «интеллектуальная пустота»; больше того: автор делился с адресатом намерением по возвращении на родину «исследовать и описать во всех подробностях нравственное состояние думающего существа в этой снежной пустыне». Письмо Лаво было перлюстрировано (об этой форме надзора речь пойдет чуть ниже); в III Отделении познакомились с выпиской из него, и 21 декабря граф А. Ф. Орлов (к этому времени он сменил скончавшегося Бенкендорфа на посту главы III Отделения) известил как московского военного генерал-губернатора князя А. Г. Щербатова, так и начальника 2-го жандармского округа генерал-майора С. В. Перфильева о высочайшем повелении учредить «за поведением, образом жизни, занятиями и связями в обществе» Лаво секретный надзор. Щербатов в ответ сообщил, что «об исполнении сего Высочайшего повеления мною предписано г. Московскому обер-полицмейстеру», а Перфильев уже 13 января доложил Орлову о результатах произведенного секретного наблюдения, которые, впрочем, оказались вполне благоприятны: выяснилось, что «занятия де Лаво заключаются в составлении рисунков и моделей машинам для бумагопрядильных фабрик, а также [занимается он] механикою водяных и ветряных мельниц», а «предосудительного в поведении и образе жизни де Лаво до сего времени ничего не замечено». Тем не менее жандармский генерал продолжал «приглядывать» за французом; последний документ в деле датирован 1848 годом. 1 октября Перфильев извещает Орлова, что «состоящий под секретным надзором отставной французской службы поручик *Ипполит Шарло де Лаво* в недавнем времени выехал из Москвы в Санкт-Петербург, с намерением оттуда отправиться в Германию для приискания хорошего механика на имеющуюся во Владимире собственную его шелковую фабрику».

* * *

Вернемся к контролю паспортов. Порой на границе выяснялось, что российской визы у въезжающего нет. Устав о паспортах (статья 306 издания 1836 года) предписывал иностранцев «без установленного паспорта» высылать обратно, «не испрашивая на то предварительно никакого разрешения». Однако если приезжие не вызвали подозрений в неблагонадежности, дело решалось в их пользу, причем порой для этого даже не требовалось высочайшего вмешательства. Так, когда в 1829 году театральный машинист Пино, «нарочито выписанный в Санкт-Петербург по контракту, заключенному в Париже, для исправления при театрах машин», прибыл в Кронштадт с паспортом, но без «засвидетельствования российского консульства», кронштадтский военный губернатор вице-адмирал Рожнов доложил об этом в III Отделение, но петербургский генерал-губернатор заверил вице-адмирала, что Пино «из Франции выписан с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения на службу к Санкт-Петербургскому театру» и «здесь необходимо нужен», после чего тот пропустил Пино в Петербург, где француз благополучно трудился по крайней мере до начала 1842 года (20 января газета «Северная пчела» объявила о его бенефисе). Сходным образом, когда оказалось, что французский подданный Шарль Ломбардини, выписанный в Петербург проживающим там книгопродавцем Брифом, остановлен в Любеке (порт на балтийском побережье, откуда пароходы отправлялись в Петербург) и тамошний российский консул сомневается, стоит ли визировать его французский паспорт, то и это затруднение разрешилось довольно легко. Бенкендорф сначала запросил у вице-канцлера Нессельроде, «не встречается ли какого-нибудь особенного препятствия» к прибытию Ломбардини в Россию; вице-канцлер в ответ заверил, что француз «принадлежит к числу тех французских подданных, кои приезжают сюда по видам торговли» и, следовательно, «ему может быть разрешен проезд в здешнюю столицу». После этого шеф жандармов обратился к Нессельроде «с почтительною просьбою, не благоугодно ли будет Вам дать нашему в Любеке консулу надлежащее предписание снабдить его на проезд сюда паспортом», и просьба была выполнена.

Виза российского дипломатического представительства давала определенные гарантии благонадежности въезжающего, однако III Отделение было не очень довольным этим порядком, ведь получалось, что в суждении о нравах французов приходится полагаться на самих французов. Во второй половине 1830-х годов III Отделение попыталось возложить на чиновников русской миссии в Париже обязанность самим более тщательно наводить справки о намеревающихся въехать в Россию, но русский посол в Париже граф П. П. Пален объяснил, что это подорвет всю торговлю между двумя странами: ведь если негоциант, желающий въехать в Россию, будет дожидаться, пока русские чиновники выяснят, насколько нравственно его поведение (а выяснять они будут все равно посредством запросов, посылаемых во французские инстанции), все его переговоры пойдут прахом. Того же мнения придерживался и русский посол в Лондоне барон Бруннов; он также считал, что российской стороне не остается ничего другого, кроме как верить подписи английского министра иностранных дел на заграничном паспорте, выданном английскому подданному.

Тем не менее информация, полученная от русских дипломатов, нередко оказывала решающее влияние на судьбу французских путешественников. Виза была необходима для въезда в Россию, но наличие ее отнюдь не гарантировало беспрепятственного впуска иностранца в пределы империи и безоблачного там пребывания; порой, не имея формальных поводов отказать французскому просителю в визе, сотрудники русской миссии визировали его паспорт, но тотчас же по своим каналам извещали петербургское начальство о том, что данный француз вызывает большие подозрения. Например, в 1834 году два француза захотели въехать в Россию через Одессу, однако выяснилось, что оба «по достоверным све-

дениям, подтвержденным самими чиновниками французского посольства, принадлежат к секте сенсимонистов», а следовательно, в России им делать нечего. «Не имея предписаний о воспрещении въезда в Россию людям, принадлежащим к сей секте, барон Рикман [русский поверенный в делах при Оттоманской Порте] не решился отказать помянутым лицам в пашпортах», однако доложил об этом вице-канцлеру Нессельроде. Тот известил главноначальствующего III Отделением Бенкендорфа, Бенкендорф доложил императору, а император Высочайше повелеть соизволил: чтобы вышеупомянутые Барро и Маршалль «по прибытии в Одессу немедленно обращены были в Константинополь с воспрещением обратного въезда в Россию», что и было исполнено. Два сенсимониста отделались легким испугом: по заведенному для прибывавших из Константинополя порядку пробыли положенное время в карантине, а потом были отправлены назад. Хуже пришлось в мае 1833 года отставному офицеру по фамилии Пьерраджи, который сопровождал в Россию дипломатического курьера Франчески, прибывшего в Петербург с бумагами от министра иностранных дел герцога де Броя. О Пьерраджи российским властям тоже поступило предупреждение: в письме тогдашнего русского посла в Париже графа Поццо ди Борго он был представлен «подлым негодяем», исповедующим революционные идеи. Этого оказалось достаточно, чтобы он был взят под стражу. Освободили его через три дня только благодаря настоятельным хлопотам французского поверенного в делах Лагрене, который пригрозил российскому правительству поднять шум во французской прессе, если Пьерраджи не будет освобожден. В результате подозрительного француза «вверили под расписку» спасителю-дипломату с обязательством как можно скорее удалить его из России, что и было исполнено, поскольку француз и сам мечтал уехать восвояси.

Иногда для распоряжений о недопуске в Россию некоего иностранца хватало одного лишь слуха о возможном его приезде. Так, в начале 1840 года Бенкендорф узнал из письма своей сестры княгини Ливен, жившей в Париже (к ней мы еще вернемся в главе тринадцатой), что, по слухам, Луи-Наполеон Бонапарт (будущий император Наполеон III, а в 1840 году мятежный принц, изгнанный из Франции, проживавший в Англии и готовивший очередную мятеж против французских властей) намерен просить позволения въехать в Россию. Так вот, на случай, если бы принц в самом деле решил это сделать, Бенкендорф известил Нессельроде, что тот должен «предварить заграничные наши посольства и миссии о незасвидетельствовании ему [Луи-Наполеону Бонапарту] паспорта на проезд в Россию». На что Нессельроде довольно резонно (и, возможно, не без тонкой иронии) счел своим долгом

покорнейше просить почтить его уведомлением, не известно ли нашему правительству, под каким именем намерен приехать Бонапарт, ибо легко может случиться, что он отправится под другим именем и таким образом будет пропущен чрез границу, несмотря на все распоряжения о недопущении следования его в Россию.

В 1840 году тревога оказалась ложной; когда же в 1847 году принц в самом деле обратился к тогдашнему главноначальствующему III Отделением графу А. Ф. Орлову с просьбой позволить ему въехать в Россию и быть представленным императору, то получил вежливый отказ: Николай I остерегался поддерживать отношения с откровенными противниками действующей французской власти.

Паспорта, «билеты» и «виды»

Отдельного рассказа заслуживает «бумажная» сторона дела: что происходило с паспортами иностранцев и какие бумаги приезжие получали взамен. Устав о паспортах (статья 342 в издании 1836 года) гласил:

Каждый иностранец, приехавший в Россию и снабженный узаконенным паспортом, должен явиться в первом лежащем на пути губернском городе к гражданскому губернатору и, представя ему свой паспорт, взять у него взамен особый вид для продолжения своего пути внутри Империи. Таковой вид должен быть возобновляем иностранцем в каждом губернском городе, чрез который он проезжать будет; и наконец, по прибытии на место своего назначения, он обязан снова явиться к гражданскому губернатору и, представя ему путевой вид, получить от него взамен билет на жительство.

Вот образец «билета», выданного «французскому подданному учителю Луи Фридриху Шору», который «прибыл в Россию в 1822 году, а в Черниговскую губернию по билету Московского обер-полицмейстера 11 сентября 1829 года данному»:

*От малороссийско-черниговского губернатора иностранцу Шору 31 августа 1830 года № 9832
Стародуб*

Билет

Дан на свободное пребывание в Черниговской губернии по 28 февраля будущего 1831 года французскому подданному учителю Луи Фридриху Шору, прибывшему в Чернигов по билету московского обер-полицмейстера 11-го сентября 1829 года за № 833, данному с тем, что по исполнению срока обязан он представить сей билет лично к возобновлению, в противном же случае подвергнется законному взысканию, на случай же выезда из губернии в другие Российские города или за границу должен явиться для получения установленного на выезд вида.

Подлинное подписал малороссийско-черниговский гражданский губернатор и кавалер Николай Жуков.

Подписал [за] предъявителя Луи Фридрих Шор.

Приметы:

лета 26

рост средний

волосы, брови темно-русые

глаза карие

нос, рот умеренные

подбородок, лицо круглое.

С подлинным верно инспектор училища Черниговской губернии статский советник Сильвестр Самарский-Быховец.

Иностранные паспорта с русской визой у въехавшего в Россию иностранца отбирали и хранили до 1827 года в губернских правлениях, а после 1827 года – в III Отделении, куда их отсылали вместе с еженедельными ведомостями о прибывших; иностранцы получали свои

паспорта назад только перед отъездом на родину. Взамен паспорта иностранцу выдавали «вид» или «билет» для следования по империи или на жительство в том или ином населенном пункте. Некоторые перемены в порядке хранения иностранных паспортов произошли в 1832 и 1844 годах (о чем будет рассказано чуть ниже), окончательно же правило об обязательной регистрации паспортов в III Отделении было отменено только в 1860 году, через пять лет после смерти Николая I.

В обеих столицах: Москве и Петербурге – действовал особый порядок выдачи иностранцам документов на пребывание в России. В Москве этим занималось Иностранное отделение при Канцелярии военного генерал-губернатора, в Петербурге – аналогичное Иностранное отделение, а с декабря 1838 года – Иностранное отделение Адресной экспедиции, состоящей при Петербургской управе благочиния. Однако те иностранцы, которые прибыли по морю или по суше в Петербург, не могли отправиться в Адресную экспедицию напрямую. Сначала они должны были побывать в III Отделении и получить «контрмарки», которые остаются «при делах Экспедиции и, по миновании в них надобности, сдаются в ее Архив» (высочайше утвержденное положение о санкт-петербургской Адресной экспедиции от 21 декабря 1838 года).

О некоторых этапах бюрократической процедуры, которой подвергались приезжие иностранцы, дают представление документы француза Антуана-Луи Париса (Paris), прибывшего в Петербург в 1828 году, но имевшего конечной целью путешествия Москву. В главе пятой мы подробнее расскажем о судьбе этого француза в России, сейчас же нас интересует только «бумажная» сторона вопроса. Итак, в деле Луи Париса, сохранившемся в архиве III Отделения, присутствует «билет»:

Билет

Цена 50 копеек

Главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора

Иностранный стол

Сентября 4 дня 1828

Исходящий № 652

Заграничного паишпорта, выданного 17/29 апреля 1828 года за № 178

Приметы:

Лета 26

Рост большой

Волосы, брови темно-русые

Глаза карие

Нос, рот умеренный

Подбородок круглый

Лицо смугловатое

Особенных примет не имеет

Подпись предъявителя L. Paris

Дан на свободный проезд в Москву, прибывшей [так!] к Кронштадтскому порту сентября 2-го дня из Руана, на французском судне Констанция, под управлением шкипера Жана Бицета, с паишпортом, засвидетельствованным Российским в Париже посольством секретарем Лабенским, французскому подданному помещику Антону Л. Пари, которого по тракту на заставах пропускать без задержания; по прибытии туда имеет он явиться немедленно к тамошнему начальству для получения

другого вида на все время его там пребывания или на следование в другое место.

Главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Рожнов [подпись]

На обороте обозначены этапы прохождения этого «билета» по инстанциям:

1828-го года сентября 10-го дня сей билет в 2-й части 1-го квартала явлен и в книгу под № 14 записан и выдан обратно сего же числа для предъявления в Иностранное отделение, получения установленного вида на жительство, а в случае непредъявления с виновного взыскан будет узаконенный штраф.

1828 года сентября 10-го дня сей билет в Иностранном отделении, при канцелярии г. Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора состоящем, явлен, в книгу под № 243 записан и предъявителю для дальнейшего следования в Москву обратно выдан.

Правитель отделения [подпись]

Как видно из указания на цену, у всех бюрократических процедур имелась и финансовая сторона: виды для жительства и для проезда из одного места в другое с 1827 года выдавались иностранцам на гербовых листах ценою 50 копеек, а с 1842 года – «на гербовой бумаге высшего достоинства» ценою 2 рубля серебром. Выдавались они на полгода или на год, а по истечении срока нужно было подавать губернатору прошение о новом документе, за который снова платить ту же сумму. Иностранцы, проживавшие в обеих столицах, должны были ежегодно платить за «билет на жительство» особый «адресный сбор». Впрочем, это касалось только тех иностранцев, которые приехали выполнять какие-либо работы, – от учителей, не состоящих в государственной службе, гувернеров и гувернанток (первый, самый дорогой разряд) до «поваренков» и чернорабочих обоего пола (последний, самый дешевый); иностранцы дворянского происхождения, имеющие чины и не намеренные служить либо поступающие на государственную службу, от уплаты адресного сбора освобождались. Кстати, такой же сбор обязаны были платить за получение «билетов на жительство» и российские подданные, приехавшие на заработки в столицу, и эта повинность вызывала среди населения такую ненависть, что управляющий III Отделением М.Я. фон Фок 30 июля 1826 года предупреждал Бенкендорфа: «общее и сильное желание населения всех классов столицы» заключается в упразднении адресной конторы, «заставляющей столь многих стонать».

Предстояла иностранцам и еще одна трата:

При выдаче каждому иностранцу билета на жительство или на дальнейшее следование снабжается он печатным на каком-либо из иностранных языков листком (...) содержащим в себе краткое изложение правил о видах и паспортах, для руководства по ним и ответственности в случае неисполнения оных. За каждый такой листок взыскивается с иностранца, получившего оный, по двадцати пяти копеек ассигнациями; деньги же, за оные вырученные, пересылаются, по истечении каждой трети года, в Министерство внутренних дел (статьи 353–354 Устава о паспортах из издания 1836 года; в Уставе 1857 года издания бенефициаром названо III Отделение).

Что касается III Отделения, то о посещении его приезжим французом сохранилось живописное свидетельство Анри Мериме, дальнего родственника знаменитого автора «Кармен» Проспера Мериме. Он побывал в России в 1839–1840 годах и описал это путешествие в книге «Один год в России» (журнальный вариант 1844, отд. изд. 1847), где говорится:

Во всех других странах посещение полиции – вещь весьма неприятная и опасная для репутации. Полиция обыкновенно обитает в каком-нибудь грязном притоне, в имеющем дурную славу квартале, и если вас туда вызывают, вы крадетесь тайком, сгорая от стыда, как будто направляетесь к гадалке, а то и к кому-нибудь похуже. У дверей вы сталкиваетесь с мрачными мужчинами и улыбчивыми женщинами. (...) В Санкт-Петербурге все иначе. Полиция обитает в ярко освещенном дворце, прислуживают ей юные офицеры, носящие славные имена. Она ведет роскошную и тревожную жизнь любимой жены султана, на которую капризный повелитель обрушивает то нежные ласки, то страшный гнев и которая вечно трепещет, но вечно надеется на новые милости (...), поэтому когда однажды утром вам сообщают, что она желает вас видеть, вы усаживаетесь в сани и летите стремглав, волнуясь, точно перед первым свиданием. Лакей бесшумно открывает вам двери и проводит по мягкому ковру в будуар, где ожидает вас сама полиция. Она с улыбкой протягивает вам руку, угощает сигаретой и принимается болтать с вами о Франции и России, о литературе, о турецком и мерлендском табаке, о Тальони – и за полчаса этой прелестной и непринужденной беседы выпытывает у вас все, что ей требуется. Это инквизиция в розовом пеньюаре, пытка с пристрастием в благоуханных перчатках. Узнав, что вы намерены провести в Россию целую зиму, полиция замечает вам, что русская зима – тяжелое испытание для людей слабогрудых, и рисует устрашающую картину здешних морозов, а затем противопоставляет ей Францию с ее мягким климатом и трогает ваше сердце напоминанием об отечестве и домашнем очаге. Если вы настаиваете, она избирает иную тактику – самоуничтожение: она опасается, что петербургские удовольствия покажутся весьма пресными тому, кто совсем недавно вкушал пряные радости парижской жизни. Вы человек воспитанный и, разумеется, возражаете против подобной скромности.

Говоря о полиции, Анри Мериме имеет в виду, разумеется, не обычную, городскую полицию Санкт-Петербурга, а полицию высшую, точнее сказать, ее главу графа Бенкендорфа (в главе одиннадцатой мы вторично встретимся с Мериме на полях одной шпионской истории и узнаем, какие еще темы он обсуждал с главноначальствующим III Отделением).

Отступление: о французской паспортной системе

Злоязычный англичанин Чарльз-Фредерик Хеннингсен, автор книги «Разоблачительные сведения о России, или Император Николай и его империя в 1844 году», рассуждая о важности паспорта в России, сравнил этот документ с цепью каторжника, которая своим звоном напоминает о рабстве. Может показаться, что пристальное наблюдение за иностранцами и собственными подданными с помощью паспортов, билетов и видов вели только российские власти. Между тем французские власти в первой половине XIX века, несмотря на все революционные преобразования, также не пренебрегали этими средствами надзора.

Французское слово *pasport*, от которого произошел русский «паспорт», в прошлом означало не совсем то, что мы подразумеваем под ним сегодня. В XVII–XVIII веках этим словом обозначали пропуск, которые выдавались жителям Французского королевства для проезда по территории Франции или выезда за границу, а иностранцам – для въезда во Францию.

Великая французская революция поначалу отменила паспорта-пропуска как «покушающиеся на индивидуальную свободу». Но эта свобода интересовала деятелей революции с каждым днем все меньше, вдобавок из-за отсутствия паспортов страну наводнили дезертиры, нищие и чужестранцы, которые беспрепятственно передвигались по ее территории. В результате 1 февраля 1792 года Национальное собрание выпустило декрет о том, что всем гражданам, желающим отправиться в путешествие по Франции или выехать за ее пределы, необходимо обзавестись паспортом с обозначением конечного пункта; тем, кто путешествовал без паспорта или отклонялся от маршрута, грозил арест.

Декрет 2 октября 1795 года утвердил порядок выдачи внутренних паспортов: в провинции эта обязанность была возложена на мэров, а в Париже – на префекта полиции. Начиная с 1810 года внутренний паспорт стоил 2 франка. Он состоял из двух идентичных частей; одну получал владелец паспорта, а другая (корешок) оставалась в мэрии на случай дальнейших полицейских расследований. В паспорте указывались фамилия и имя владельца, место рождения, место проживания и пункт назначения, а также приметы (12 пунктов, не считая особых примет); те же сведения повторялись и в корешке, который подписывали владелец паспорта и два свидетеля (предполагалось, что эти двое должны хорошо знать человека, которому мэр выписывает паспорт, однако в реальности «соискатели» нередко за небольшую плату нанимали себе на соседней улице свидетелей, которых видели впервые в жизни). В паспорте отмечали пункт, куда направляется его владелец, и по прибытии туда приезжий был обязан завизировать свой документ в тамошней мэрии; если он отправлялся дальше, в паспорт следовало внести этот новый пункт назначения. Паспорт был действителен в течение года. Для поездок внутри родного кантона (а с 1816 года – внутри родного департамента) паспорт не требовался. Прежде чем выдать паспорт, мэр должен был убедиться, что его будущий владелец не имеет никаких конфликтов с законом. Префекты призывали мэров не выдавать паспортов для поездок в Париж «кому попало». Рабочему, чтобы получить паспорт, требовалась еще и своего рода «характеристика» от хозяина; в ней владелец мануфактуры или другого предприятия заверял, что данный рабочий заслуживает выдачи паспорта для поездки туда-то на такой-то срок; характеристики эти сохранялись в мэрии вместе с корешками. Рабочие вместо паспорта могли предъявлять трудовую книжку (*livret d'ouvrier*), в которую мэр заносил последнее место работы владельца книжки, а также то место, на которое он намерен перейти; людям без паспорта или трудовой книжки грозил арест за бродяжничество. Власти использовали паспорта для того, чтобы избежать наплыва безработных и нищих в большие города и прежде всего в столицу; когда там начинались волне-

ния, министр внутренних дел немедленно предписывал префектам приостановить выдачу паспортов для поездок в Париж.

Любимая женщина власти – высшая полиция

О паспортах для выезда за границу, стоивших 10 франков, и процедуре их получения (в департаментах – у префектов, а в столице – у префекта полиции) уже было рассказано выше (см. с. 21–22).

Наконец, существовала еще третья категория паспортов: неимущим их выдавали бесплатно и даже выплачивали небольшое вспомоществование за каждое лье, но с обязательством как можно скорее добраться до пункта назначения, в точности следуя маршруту, прописанному в паспорте самым подробным образом. Владелец такого паспорта должен был визировать его в каждом из обозначенных в маршруте городов.

Власти эпохи Реставрации утверждали, что паспорта ничуть не сковывают свободу подданных и очень полезны для них самих, ведь благодаря им любой путешественник может доказать в том краю, где никто его не знает, что он честный человек, а не злоумышленник. Разумеется, к бродягам из низших сословий и к почтенным буржуа отношение было разное, и первых контролировали несравненно строже, чем вторых. Правда, когда два русских путешественника-дворянина в 1822 году отправились из Парижа осматривать замок Фонтенбло, на обратном пути кондуктор почтовой кареты потребовал у них паспорта, и им пришлось обращаться к супрефекту за пропуском до Парижа; впрочем, никаких дурных последствий это для них не имело, а в Париже префект полиции, к которому путешественникам было приказано явиться, даже извинился перед ними. Однако в данном случае кондуктор проявил излишнее рвение: конечно, закон устанавливал правила для всех, но полицейское начальство специально предупреждало префектов о том, что высокопоставленных французов, равно как и родовитых иностранцев, не следует тревожить проверками и мелочным контролем. Паспортная система была создана не в расчете на них, а для борьбы с бродягами и прочими «возмутителями спокойствия», сеющими тревожные слухи и будоражащими народ; именно их передвижения следовало держать под контролем.

При Июльской монархии внутренние паспорта по-прежнему имели хождение, но с середины 1830-х годов во Франции начали бурно развиваться железные дороги, и это в значительной мере изменило ситуацию: железнодорожные компании отказывались проверять паспорта у пассажиров, постепенно эти новые веяния распространились также на поездки в дилижансах, и в результате внутренние паспорта начали выходить из употребления. Тем не менее они, равно как и заменявшие их трудовые книжки, были окончательно отменены лишь в конце XIX века.

Что же касается документов, которые требовались от иностранцев для въезда во Францию, то их появление в революционную эпоху относится к тому же 1792 году, когда были введены первые внутренние паспорта. В ту пору иностранец, въехавший во Францию, должен был предъявить свой паспорт муниципальным властям, а те – отослать его для визирования в Комитет общей безопасности, иностранцу же выдать взамен временную «карту безопасности». Правила для иностранцев постепенно становились все строже: так, закон от 13 октября 1797 года предписывал им являться к начальникам приграничных департаментов и сообщать, в какой именно французский город они направляются, а копии их паспортов отсылались и в Министерство иностранных дел, и к начальнику местной полиции. Иностранцы, не принадлежавшие к числу дипломатов, находились под особым надзором Директории, которая, заподозрив, что они угрожают общественному порядку, могла отнять у них паспорта и выслать из Франции. В основе всех этих мер и в революционную эпоху, и при Империи, и при следующих режимах лежало общее недоверие к иностранцу, чужаку, незнакомцу, от которого можно ожидать чего угодно и который поэтому обязан предоставлять гарантии своей благонадежности.

В эпоху Реставрации после пересечения границы иностранец являлся в ближайшую мэрию со своим национальным паспортом, который оттуда отсылали для визирования в Министерство внутренних дел, а затем возвращали владельцу. Иногда иностранцы обменивали свой паспорт на местный внутренний и ездили по стране уже с ним, а для того чтобы получить назад национальный паспорт перед возвращением на родину – в том случае, если речь шла о рабочих, – предъявляли «характеристику» от французского нанимателя. Власти старались контролировать все передвижения иностранцев; мэры должны были присылать префектам ежемесячные ведомости об иностранных подданных, проезжающих через их город (сведения эти они, по-видимому, получали от владельцев постоянных дворов и кондукторов дилижансов).

При Июльской монархии ситуация с въездными документами немного упростилась: французским консулам за границей разрешили, в том случае если это не противоречит местному законодательству, выдавать всем желающим паспорта для въезда во Францию или визировать национальные заграничные паспорта въезжающих, если они выписаны должным образом. А в апреле 1832 года французский парламент принял очень важный закон о политических беженцах. Тогдашний министр юстиции считал необходимым включить в эту категорию всех иностранцев, которые приехали во Францию без паспорта и не находятся под покровительством посла своей страны. Впрочем, споры о том, кого именно следует считать беженцем, шли во Франции еще много лет, и точное юридическое определение так и не было дано. В 1833 году было выпущено постановление, обязывавшее эмигрантов, претендующих на материальное вспомоществование, предъявлять доказательства политических причин своего бегства из отечества, однако зачастую вместо доказательств они предоставляли рекомендательные письма от известных и влиятельных людей. Именно закон о беженцах легализовал, к неудовольствию российского императора, пребывание во Франции многочисленных поляков, покинувших родину после подавления Польского восстания 1830–1831 годов. После 1831 года во Франции проживало примерно 7000 поляков-эмигрантов, или, как писали в документах III Отделения, польских выходцев (треть всех политических беженцев, в число которых входили и итальянцы, и испанцы, и португальцы). Согласно закону 1832 года, правительство должно было направлять беженцев на жительство в определенные города; тем самым власти облегчали себе надзор за приезжими, чей мятежный дух вызывал у них немалые опасения. Впрочем, эта мера распространялась только на тех эмигрантов, которые получали субсидию от французского правительства; эмигранты более состоятельные были вольны селиться, где захотят. Неугодных беженцев французское правительство высылало из страны; так в 1833 году был – по настоянию российского посла – выслан в Бельгию польский историк, активный участник восстания 1830–1831 годов Иоахим Лелевель. Июльские власти проявляли гостеприимство по отношению к политическим изгнанникам, но при этом очень опасались притока в страну иностранной рабочей силы: именно начиная с этого периода у иностранных рабочих начали спрашивать, помимо паспорта или трудовой книжки, свидетельство из страны происхождения, подтверждающее, что его податель непременно возвратится на родину.

После Революции 1848 года для иностранцев были введены новые ограничения: иностранцу предписывалось в трехдневный срок получить у префекта вид на жительство, а Министерству внутренних дел и префектам пограничных департаментов давалось право на высылку неугодных иностранцев.

В каждой из европейских стран в первой половине XIX века существовали особые правила для въезда иностранцев. Рассказывать здесь о них во всех подробностях нет возможности, скажу лишь, что, например, в Пруссии в 1817 году был принят закон, по которому в страну было гораздо легче въехать, чем из нее выехать: паспорт для въезда мог выдать едва ли не любой чиновник, включая даже иностранных должностных лиц местного уровня, зато

право выдавать паспорта для выезда имели только высокопоставленные прусские чиновники. А в Англии по закону 1826 года иностранцы при въезде обязаны были сдавать свои паспорта таможенникам, а те пересылали их в особую контору под названием *Alien office*, после чего иностранец должен был в течение недели сообщить этой же конторе свой адрес; тогда ему выдавали аттестат с указанием этого адреса, и раз в полгода аттестат следовало обновлять; при выезде же иностранец получал паспорт в том порту, откуда собирался отплыть. Этот закон был отменен в 1836 году: теперь от иностранцев требовали только объявить на границе при въезде, что они подданные другого государства, и зарегистрировать свой паспорт на таможне.

Посольство Франции в Санкт-Петербурге – защитник французских подданных в России

Француз, прибывший в Россию, был также обязан получить от своих соотечественников-дипломатов (посла или консула) документ об «имматрикуляции», то есть внесении в список (матрикул). Делалось это для того, чтобы посольство знало о приезде французского подданного и могло его защитить в случае каких-либо неприятностей. Для французских дипломатов отсутствие у их «клиентов» французских паспортов было крайне неудобно, потому что они не могли проконтролировать точность данных, которые приезжие французы сообщали о самих себе, и, еще того хуже, рисковали столкнуться с такими обманщиками, которые уже давно вступили в русское подданство, но выдают себя за подданных Франции, чтобы продолжать пользоваться покровительством посольства. Случались и противоположные казусы: например, если французский паспорт, отданный приезжим иностранцем русским властям, терялся, то такой приезжий лишался возможности доказать свое истинное подданство. Такая беда приключилась осенью 1830 года с неким «строителем шоссе Эммануэлем Лагранжем». Он прибыл на корабле из Любека в Ригу, с тем чтобы дальше следовать в Вильну (он провожал туда сестру, нанятую учительницей в дом генеральши Кайсаровой); свой французский паспорт с русской визой он в Риге обменял, как положено, на российский документ. Французский же паспорт был переслан следом за своим владельцем в Ригу, но по дороге «утратился». Между тем Лагранж, как излагал 9 июня 1831 года вице-канцлер Нессельроде в письме Бенкендорфу, «хотя и просил о возвращении ему первого паспорта его, но не получив его, принужден был по случаю возникших в Виленской губернии смятений удалиться в Тильзит. Оттоле он возвратился в Россию, но уже с паспортом прусского начальства, что и было поводом к признанию его в Риге за прусского подданного». В результате оказалось, что французскому подданному отказывают в признании его таковым. Подобная несправедливость встревожила французского посла в России герцога де Мортемара, и он, по словам Нессельроде, попросил, «чтобы сия ошибка была исправлена, прилагая в доказательство происхождения Лагранжа копию с свидетельства о рождении его», которую Нессельроде «препроводил» к Бенкендорфу. К этой просьбе Мортемар «присовокупил замечание, что при снабжении французских подданных, приезжающих в Россию, установленными видами от наших начальств для жительства в России, полезно бы было оставлять при них и те паспорта, с коими они приехали сюда из Франции» – это помогло бы избежать недоумений и обманов, а при потере одного из паспортов француз все-таки не оставался бы совсем без документов.

Что касается временно потерявшего свою национальную идентичность француз Лагранжа, то переписка о нем между III Отделением, петербургским военным генерал-губернатором Эссеном, вице-канцлером Нессельроде и послом Франции Мортемаром шла в течение целого года. Лагранж прибыл в Петербург, оттуда отправился в Лугу, где проживал в доме у местного помещика, затем опять вернулся в Петербург и захотел выехать в Москву, где приискал себе место учителя. Все это время он находился под секретным надзором, и всеподданнейшие доклады извещали императора о его передвижениях. 30 сентября 1831 года, после того как стало известно о его намерении выехать в Москву, Бенкендорф известил Эссена «о Высочайшем повелении не допускать иностранца к учительской должности без установленного на сие аттестата», а Эссен объявил это повеление «санкт-петербургским гражданскому губернатору и обер-полицмейстеру к должному исполнению». Ровно через неделю, 11 октября 1831 года, Эссен доложил Бенкендорфу, что, по донесению санкт-петербургского обер-полицмейстера, «пруссский подданный Шарль Лагранж подверг себя установленному испытанию в науках, во удостоверение чего и представлен аттестат за

подписанием Ректора здешнего университета», – и только после всего этого Лагранжу был выдан билет на проезд в Москву, но притом, хотя в Петербурге ничего предосудительного за ним замечено не было, московскому военному генерал-губернатору сообщили о продолжении за ним секретного надзора.

Вернемся к паспортам. Изъятие у французов оригинальных паспортов было неудобно не только для французских, но и для русских дипломатов: русские чиновники, выдававшие французу русский «вид», записывали его имя кириллицей, и не всякий мог угадать за этой транскрипцией французскую фамилию. Так, 30 апреля 1827 года вице-канцлер Нессельроде передал Бенкендорфу жалобу российского посла в Париже графа Поццо ди Борго. Тому, как и другим дипломатическим представителям, «сделано было предписание, чтобы они отказывали в выдаче паспортов на приезд в Россию высланным за границу французскому подданному Михаилу Дюперейну и гамбургскому уроженцу Карлу Родацу, если бы сии иностранцы обратились к ним о том с просьбою». Так вот, в ответ Поццо ди Борго попросил, чтобы «в отвращение всякого недоразумения сообщено было посольству, как написана фамилия Дюперейна в паспорте, с которым он прибыл сюда из Франции». Сведение это, добавлял Нессельроде, «он почитает тем более нужным, что означенная фамилия может писаться на французском языке разнообразно», а затем предлагал уже от себя:

По сему случаю не угодно ли будет Вашему Превосходительству приказать сделать распоряжение, чтобы впредь имена всех иностранцев, высылаемых из России, о которых Вы изволили сообщать мне сведения, прописываемы были в отношениях Ваших на французском или немецком языках.

Проблема транскрипций вообще стояла очень остро; поэтому в 1840-е годы в ведомостях о французах, не принявших российского подданства, но проживающих в России, городничим предписывалось «для большей верности» указывать фамилии на французском языке, причем делать это должны были собственноручно сами иностранцы.

Но, конечно, более всех были заинтересованы в оставлении французам их оригинальных паспортов дипломатические представители Франции. В конце концов они добились своего, но далеко не сразу. Сначала, в 1832 году, дипломаты получили согласие на то, чтобы III Отделение, изучив паспорта французов, пересылало их в посольство Франции и они в течение всего пребывания иностранца в России хранились в посольстве. Окончательная же победа была одержана лишь в 1844 году, когда все иностранцы (в том числе и французы) получили право оставлять свои паспорта у себя. При этом начальник губернии, выдавая иностранцу документы на дальнейшее следование или на жительство в губернии, был обязан сделать на иностранном паспорте надпись: «недействителен в России, и на основании этого паспорта выдан особый русский вид» и приложить к этой надписи печать. Кстати, Бенкендорфа, по-видимому, смущал уже сам факт, что иностранцы являются в Россию с паспортами своей страны, пусть и завизированными русскими миссиями; во всяком случае, в 1841 году он предложил русским миссиям за границей выдавать путешественникам, направляющимся в Россию, особые паспорта, однако это предложение осуществлено не было, и русские миссии продолжали просто визировать национальные паспорта.

Казалось бы, для приезжих французов посещение собственного посольства не должно было составить большой проблемы; однако простой эта процедура оказывалась далеко не для всех. Дело в том, что на пятом году николаевского царствования во Франции сменился политический режим: когда Николай взошел на престол, во Франции правил король из старшей, «легитимной» ветви Бурбонов, Карл X. Однако в июле 1830 года во Франции произошла революция, Карла X свергли, и королем (причем не королем Франции, а «королем французов», призванным на престол палатой депутатов) стал его кузен Луи-Филипп, герцог

Орлеанский, представитель младшей ветви Бурбонов. Между тем у свергнутого Карла X имелись наследники: сын и внук. Сын, герцог Ангулемский, пробыв королем Людовиком XIX меньше часа, от престола отрекся, однако законным претендентом на престол оставался десятилетний внук короля, герцог Бордоский, и сторонники старшей ветви упрекали Луи-Филиппа в похищении короны у этого законного наследника. Карл X с семейством удалился в эмиграцию, но во Франции у него остались приверженцы, называвшиеся легитимистами. Они считали легитимным, законным правителем Генриха V (юного герцога Бордоского), а Луи-Филиппа – узурпатором, правителем нелегитимным. Легитимисты жили во Франции, но пребывали там во «внутренней эмиграции» (термин, изобретенный в 1838 году писательницей и журналисткой Дельфиной де Жирарден) и старались не служить новому правительству, а потому много путешествовали. Однако, приехав в Россию, они сталкивались с необходимостью посетить посла, назначенного тем самым королем, которого они считали незаконным. Такое посещение противоречило их принципам, и они старались по возможности его избежать. Между прочим, сходные проблемы возникали у легитимистов и на родине. Орас де Вьель-Кастель, автор очерка «Женщины-политики», вошедшего в первый том сборника «Французы, нарисованные ими самими» (1840), описывает маркизу-легитимистку, которая «из Парижа в свое имение и из имения в Париж ездит без паспорта, чтобы ни в коем случае не путешествовать под покровительством короля Луи-Филиппа». Но за границей вопрос вставал особенно остро.

Например, 2 сентября 1834 года чиновник Иностранного отделения канцелярии санкт-петербургского военного генерал-губернатора извещал III Отделение, что «французские подданные граф Жобер и виконт де Жюльвекур, являсь сего числа в Иностранное отделение для получения установленных на отъезд в Москву видов, объявили, что к французскому посольству они являться не желают и потому свидетельства от ононого по заведенному порядку представить не могут», и просил сообщить, «не имеется ли о иностранцах сих какого-либо особого разрешения, освобождающего их от явки к пребывающему здесь французскому посольству». В результате двум иностранцам, «с весьма хорошей стороны известным российскому посольству в Париже», такое разрешение было дано самим императором.

Король Луи-Филипп отвечал легитимистам взаимностью: он не одобрял общения своих послов с людьми, не признающими его власти, и когда выяснилось, что летом 1839 года посол Проспер де Барант представил к русскому двору легитимиста маркиза де Кюстина, король французов выразил неудовольствие тем обстоятельством, что его посол представляет к русскому двору таких французов, которые не только не были представлены ко двору Луи-Филиппа, но, напротив, заявляют во всеуслышание, что они такого представления не хотят.

III Отделение занималось не только контролем за приезжими иностранцами, но и сбором статистических данных на этот счет. Ежегодно в III Отделении составлялся «всепоподданнейший отчет» о деятельности самого этого ведомства и Корпуса жандармов; в него входили «Обозрения происшествий и общественного мнения» (с 1839 года называвшиеся «Нравственно-политическими отчетами»²), а также различные статистические сведения, в том числе касающиеся иностранцев (въехавших в Россию, выехавших и высланных из нее, принятых в подданство). Общие ведомости об иностранцах за год и сравнительные ведомости за несколько лет позволяли судить о числе иностранцев, прибывших в такую-то губернию и выехавших из нее, о национальном составе прибывших и их профессиональной принадлежности. Отдельно составлялись общие годовые «алфавиты» об иностранцах, въехавших в Санкт-Петербург.

² Эти части отчетов опубликованы в 2006 году в книге «Россия под надзором».

Эта статистика III Отделения могла быть интересна и полезна не только для русских властей, но и для французских дипломатов. Инструкции предписывали французским послам отстаивать интересы соотечественников, у которых возникли какие-то проблемы с русской юстицией. Следует подчеркнуть, что все контакты между иностранными дипломатами и III Отделением неизменно происходили не напрямую, а через посредство российского Министерства иностранных дел. Так вот, в декабре 1829 года тогдашний посол Франции в России герцог де Мортемар отправил вице-канцлеру Нессельроде «Конфиденциальную записку», в которой попытался определить конкретные формы и границы защиты французскими послами французских подданных в России. Мортемар предлагал, чтобы в случае, если подданный французского короля навлечет на себя подозрение русской полиции неосторожным поведением или неприличными речами, информацию на этот счет через Министерство иностранных дел передавали послу и тот мог бы сделать провинившемуся французскому подданному внушение или просветить его насчет грозящих ему кар. Ведь нередко случается так, что «слова, которые во Франции считаются непредосудительными и даже вполне законными, в России способны навлечь на говорящего серьезные неприятности». Француз, не осведомленный об этих тонкостях, может стать предметом провокаций со стороны низших полицейских агентов и, сам того не подозревая, провиниться еще сильнее. Между тем несколько сказанных вовремя доброжелательных, хотя и суровых слов посла могут открыть французу глаза и уберечь его от дальнейших опрометчивых шагов. Предвидел Мортемар и другие ситуации – когда речь пойдет о более серьезных обвинениях и российское правительство примет решение изгнать провинившегося француза из пределов империи. Мортемар и в этих случаях опять-таки предлагал немедленно доводить происшедшее до сведения французского посла, чтобы французский подданный при выдворении «мог быть снабжен надлежащим от посольства паспортом, без которого он, принужденный скитаться в чужих краях, доколе не достигнет своего отечества, лишен будет права на прибежище к находящимся там французским миссиям, ибо сии последние, не имея точного удостоверения о происхождении его, по справедливости не обязаны будут делать ему пособие» (так пересказывал желание Мортемара вице-канцлер Нессельроде в письме к шефу жандармов Бенкендорфу). Поскольку «Записка» Мортемара составлена еще до Июльской революции, когда отношения России с Францией были весьма дружественными, посол даже обещал в ответ предоставлять русскому министерству сведения о французских подданных, необходимые для поддержания порядка и общественного спокойствия.

Понятно, что французским дипломатам очень важно было точно знать, с кем они имеют дело – с французским подданным (его они были обязаны защищать) или с «этническим» французом, который носит французское имя, но принял русское подданство и опеке со стороны французских дипломатов более не подлежит. Поэтому они пытались получить от русских чиновников списки французов, принявших русское подданство. В апреле 1834 года посол Франции (в 1834 этот пост занимал маршал Мезон, с которым мы еще встретимся в главе четвертой) обратился к вице-канцлеру Нессельроде с просьбой прислать ему список «всех проживающих в России, но особливо в Санкт-Петербурге и в Москве французов, которые присягнули на верность Его Императорскому Величеству и тем самым утратили права французских граждан». Мезон действовал в соответствии с ордонансом короля Луи-Филиппа от 28 ноября 1833 года, который обязывал «французов, проживающих в чужих странах и желающих пользоваться покровительством консула того округа, где они обосновались» подтвердить свое подданство, а затем получить имматрикуляцию в канцелярии соответствующего консульства; в ордонансе специально подчеркивалось, что французы, переменившие подданство, на имматрикуляцию и покровительство рассчитывать не могут. К своему письму, адресованному Нессельроде, Мезон приложил имевшийся у него список тех французов, которые стали русскими подданными с 1 января 1827 года (в его списке оказа-

лись 41 мужчина и 8 женщин), самого же посла интересовали в первую очередь французы, принявшие русское подданство до 1827 года. Такие списки в самом деле были переданы петербургским и московским генерал-губернаторами и начальниками других губерний в III Отделение, а оттуда – вице-канцлеру Нессельроде; впрочем, это произошло осенью 1836 года, когда Мезона уже отозвали, а на его место был назначен новый посол – Проспер де Барант. Что же касается французов, проживающих в российских губерниях, но не перешедших в российское подданство, гражданские губернаторы с 1838 года были обязаны ежегодно доставлять сведения о них министру внутренних дел.

Французов, переставших быть французскими подданными, дипломаты защищать не хотели, но тем, кто имел законное право на защиту, они старались оказывать помощь. Так, в 1827 году Риго де Ла Браншардьер, учитель во французском пансионе в Петербурге, привел своих учеников в православную домовую церковь при пансионе. Он был нездоров, к концу службы устал стоять и скромно присел в уголку на стул, после чего на него немедленно донесли полиции. За оскорбление местных национальных нравов его схватили и отправили в сумасшедший дом, откуда через 36 часов освободили (с обязательством немедленно покинуть Россию, что он с восторгом и осуществил) благодаря хлопотам французского поверенного в делах Фонтене, который обратился с ходатайством к вице-канцлеру Нессельроде. Другой пример: когда в 1832 году «французский подданный из Нанси Леон Серве за учиненную кражу сужден был санкт-петербургскою палатою Уголовного суда и по решению оной наказан плетью и отослан в кораблестроительные арестантские роты», французский посол маршал Мортье обратился с ходатайством к императору, и тот «Высочайше повелеть соизволил содержащегося в санкт-петербургских морских арестантских ротах арестанта, французского подданного Леона Серве, освободив из настоящего звания, выслать за границу», что и было исполнено. В 1834 году благодаря стараниям поверенного в делах Лагрене был, как уже упоминалось, освобожден арестованный петербургской полицией француз Пьерраджи. Наконец, известная по книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» история французского журналиста Луи Перне могла бы кончиться для ее фигуранта гораздо более трагично, если бы не хлопоты соотечественников. Перне привлек к себе внимание либеральными разговорами и, по версии III Отделения, «противоречивыми сведениями о своей профессии, ибо объявлял себя то гражданским инженером, то рантье, путешествующим по собственной надобности, то негоциантом, прибывшим в Россию по делам». Он был посажен в Москве на съезжую (полицейский участок, куда помещали пьяниц и бродяг и отправляли крепостных для наказания) и провел там три недели без суда и следствия (о том, что представляла собою съезжая, подробнее рассказано в главе третьей, с. 159–160). Выпустили Перне, по всей вероятности, благодаря хлопотам французского посла Баранта, узнавшего об аресте соотечественника от Кюстина, и выслали из России с предписанием в нее не возвращаться.

Известны и противоположные случаи, когда дипломаты помощи соотечественникам, попавшим в беду, не оказывали. Кстати, такой «отрицательный герой» участвовал и в истории Перне: поскольку арестовали француза в Москве, то вступить за него должен был бы московский консул, но он ничего делать не стал под тем предлогом, что Перне провел в Москве почти полгода и не удосужился его посетить; теперь, мол, пусть пеняет на себя. Именно поэтому Кюстину пришлось по приезде в Петербург обращаться к послу Баранту, своему хорошему знакомому. Еще один пример дипломатического бездушия приводит упоминавшаяся выше сенсимонистка Сюзанна Вуалькен. Ее добрые знакомые – коммивояжер Дюпре и его жена-модистка – обвинили некую мадемуазель Пешар и ее русского любовника, сына богатого купца, в попытках развращения их четырехлетней дочери, однако ни консул Валад, ни поверенный в делах Перье не сделали ровно ничего, чтобы помочь французской чете. Сюзанна Вуалькен усмотрела в этом «позорную капитуляцию» французской дипломатии, «которая хочет во что бы то ни стало жить со всеми в мире и не желает предпринимать

усилия, скорее всего обреченные на неуспех, по столь ничтожному поводу». «Мы все, – прибавляет она, имея в виду членов французской колонии из своего окружения, – были унижены этим; нам казалось, что на глазах у иностранцев нанесен урон французской чести». Если бы такая история приключилась с англичанами, восклицает француженка, посол их страны незамедлительно бы за них вступился.

Выезд из России

Выехать из России иностранцу было, конечно, легче, чем приехать, но и для этого тоже требовалось соблюдение некоторых формальностей.

Кюстин в своей «России в 1839 году» возмущался:

Никто не вправе выехать из России, не предупредив о своих планах всех кредиторов, иначе говоря, не объявив о своем отъезде через газеты трижды, с перерывом в неделю. Следят за этим строго – правда, если заплатить полиции, этот срок можно сократить, но одно или два объявления в печати появиться должны непременно. Без свидетельства властей, удостоверяющего, что вы никому ничего не должны, вам не дадут почтовых лошадей.

На это возразил в своей «антикритике» на книгу Кюстина Н. И. Греч:

Это распоряжение в высшей степени благотворно, и всякий порядочный человек охотно ему подчиняется. Впрочем, маркиз поразительно извратил его сущность. Первую публикацию отделяет от второй не неделя, а всего один день. Подкупить же полицию в этом случае решительно невозможно, ибо давать взятку следовало бы генерал-губернатору: ведь паспорта подписывает именно он. Если же отъезжающий представит поручителя, владеющего недвижимостью в Санкт-Петербурге, он может получить паспорт и не дожидаясь публикаций.

Как это происходило в обычных случаях, когда иностранец покидал Россию не по высочайшему повелению, а по доброй воле, в соответствии со своими собственными планами, можно увидеть на примере паспорта некоего Альфонса Гебье, французского торговца. В паспорте, выписанном ему в Петербурге 14 июля 1831 года и подписанном военным генерал-губернатором Эссеном, объявлялось «всем и каждому, кому о том ведать надлежит», что его податель (или, как сказано в документе, «показатель») отправляется морем за границу, «в свидетельство чего и для свободного проезда дан сей паспорт, который чрез три недели теряет силу свою, для пропуска предьявителя за границу». В паспорте сообщались приметы отъезжающего («лета – 34, рост средний, волосы светло-русые, лицо овальное, лоб умеренный, брови светло-русые, глаза голубые, нос, рот умеренный, подбородок круглый»). В тот же день 14 июля 1831 года паспорт был завизирован в посольстве Франции в России: виза за подписью секретаря посольства Т. де Лагрене также удостоверяет, что с этим паспортом его податель имеет право выехать во Францию. Этот паспорт коммерсант Гебье предьявил сначала в петербургской портовой таможне, затем, 16 июля, в канцелярии военного губернатора Кронштадта, а на следующий день на кронштадтской таможне. 11 августа паспорт записывают «в конторе у корабельных смотрителей» и «на брандвахте в купецкой гавани», 13 августа «прописывают на дальней брандвахте» и наконец 15/27 сентября на корабле «Три друга» Гебье прибывает в Гавр, о чем в паспорте сделана запись тамошней портовой инспекцией.

Среди французов, проживавших в России, была особая категория – бывшие военнопленные, которые в 1814 году, когда всем пленным вообще была официально дана возможность вернуться на родину, добровольно остались в России и даже приняли российское подданство. Если такой француз решал все-таки, по прошествии двух десятков лет, выехать во Францию, гражданским губернаторам начиная с 1834 года предписывалось предварительно выяснить у него, женат ли он, какого вероисповедания его жена и дети, согласна ли жена, а также и дети, если они совершеннолетние, ехать с ним за границу, «не имеется ли на

нем казенных недоимок, не заключал ли он с казною или с частными лицами условий еще не исполненных» и не встречается ли вообще каких-либо возражений против его отъезда у губернского начальства. Обо всем этом губернаторы должны были известить министра внутренних дел, и если все ответы были благоприятные, министр испрашивал высочайшее разрешение на удовлетворение просьбы, и после получения такового французам позволялось выехать из России. Вообще же дела об увольнении иностранцев из российского подданства должен был рассматривать Сенат (за исключением особых случаев, нуждавшихся в высочайшем разрешении).

Люди, добровольно вышедшие из российского подданства, покидали Россию мирно и спокойно. Но случались и другие отъезды. Согласно сенатскому указу от 19 июня 1835 года, иностранцы подлежали действию законов о наказаниях уголовных и исправительных на том же основании, что и российские подданные. Однако и до, и после 1835 года российские власти предпочитали (особенно если преступления были «идеологического» свойства и заключались в дурных отзывах о России) просто высылать провинившихся из пределов империи без права возвращения назад (чего с российскими подданными проделать было нельзя). Параграф 49 «Высочайше утвержденного общего наказа гражданским губернаторам» (именной указ, данный Сенату, № 10303 от 3 июня 1837 года) уточнял, что

иностранцы или иностранки, прибывшие в Россию с законными видами, не иначе могут быть высланы за границу, как по судебному приговору или же по распоряжению высшего правительства. О тех, кои по дурному поведению, сомнительности или другим каким-либо причинам не могут быть терпимы в пределах государства, гражданские губернаторы, не приступая сами собою к высылке их, предварительно доносят о том III Отделению.

Из III Отделения сведения о «сомнительных» иностранцах поступали во всеподданнейших докладах к самому императору, и он, как правило, приказывал сомнительного выслать – что и исполнялось силами обычной полиции.

Высылка иностранца, преступившего закон, была предпочтительна и для дипломатов его страны, призванных защищать интересы соотечественников, и для российских властей. Выше уже упоминался французский подданный Леон Серве, за кражу отправленный в кораблестроительные арестантские роты, но затем освобожденный и высланный за границу. Император приказал изменить французам наказание в ответ на просьбу тогдашнего посла Франции маршала Мортье. 12 июля 1832 года Бенкендорф известил об этом кронштадтского военного губернатора вице-адмирала Рожнова и попросил его «о принятии зависящих мер, дабы иностранец Серве <...> удален был из пределов государства на первом корабле, к берегам отечества его отходящем, с воспрещением обратного въезда в Россию». Уже на следующий день исправляющий должность кронштадтского военного губернатора вице-адмирал Беллинсгаузен донес императору, что «французский подданный Леон Серве на отшедшем от Кронштадта в море 9-го числа сего августа французском судне, именуемом „Ле дё фрер“ [Два брата], по назначению выпровожден».

Как мы еще не раз убедимся, сходная участь ожидала весьма многих «неугодных» и неблагонадежных французов. Однако прежде чем перейти к рассказу об их судьбах, следует поговорить вообще о той репутации, какую имели французы и Франция в царствование Николая I.

2. Репутация французов: «вредные» и «полезные»

Выше уже были приведены слова управляющего III Отделением про иностранцев как «гадов», которых Россия пригревает на своей груди, причем пригревает совершенно напрасно. Тот же Дубельт мечтательно заметил: «Не впускать бы в Россию ни одного иностранца – вот и все тут», – но тут же прибавил с сожалением: «да та беда, что этого сделать невозможно». Так вот, среди этих иностранных «гадов» французы в николаевскую эпоху считались едва ли не самыми вредными и опасными. Отношения между Россией и Францией и в XVIII веке не всегда были безоблачными: России случалось быть и союзницей Франции, и ее противницей. А после Революции 1789 года дело осложнилось тем, что французы поделились на благонамеренных аристократов-эмигрантов и опасных революционеро-якобинцев; первым в России оказывали радушный прием; вторые заставили императрицу Екатерину II в июне 1790 года приказать российскому послу И. М. Симолину добиваться выезда всех российских подданных из Франции, а в феврале 1792 года отозвать оттуда и самого посла. При Первой империи отношения двух стран, само собой разумеется, не делались проще, хотя между военными столкновениями вклинивались периоды мира. Некоторая передышка наступила после свержения Наполеона, когда Франция стала союзницей России; французы вместе с русскими и англичанами даже вместе воевали против турок на море (сражение при Наварине, 1827), а в Русско-турецкой войне в 1828–1829 годах французские военные участвовали на российской стороне с наблюдательской миссией. Но все-таки подозрительность к французам как к источнику либеральной «заразы» сохранялась; ведь Франция в 1814 году стала конституционной монархией, в ней завелся парламент, а в парламенте завелись депутаты-либералы. Эту точку зрения выразительно запечатлел Ф. В. Булгарин в созданной для III Отделения записке «о влиянии иностранных держав на политический образ мыслей в России» (1827):

Французское правительство вовсе не участвует в распространении революционных идей, но Париж есть центр всех демагогических обществ. Там политически магнетизируют всех путешественников, снабжают их правилами и книгами на дорогу и действуют на Россию посредством русских чиновников и неприметных своих агентов, которые кроются в домах под разными званиями.

А после того как в июле 1830 года во Франции произошла революция и место свергнутого короля Франции Карла X занял «король французов» Луи-Филипп, ситуация вновь ухудшилась. Спустя два месяца Николай I, последовав примеру двух других абсолютных монархов, австрийского императора и прусского короля, скрепя сердце признал «июльскую» Францию; вице-канцлер Нессельроде сообщил об этом решении Николая I специальному посланнику Луи-Филиппа генералу Аталену 1 октября, и тот 15 октября вернулся с этой вестью в Париж. Однако российский император продолжал считать Луи-Филиппа узурпатором и никогда не называл его братом, как других монархов (точно так же он 22 года спустя отказывался называть братом Луи-Наполеона Бонапарта, когда тот провозгласил себя императором Наполеоном III). Он употреблял обращение *Sire* (Ваше Величество). Между тем подобным образом к царственным особам обращались не монархи, а простые смертные; однако император не смущался этим: слишком сильно было его нежелание поставить Луи-Филиппа на одну доску с другими, законными монархами. Нелюбовь Николая I к французскому «узурпатору» была так велика, что, по свидетельствам мемуаристов, он поначалу даже воспринял с энтузиазмом известие о революции, свергнувшей Луи-Филиппа с престола: бездельник выходит в ту же дверь, через которую он вошел, воскликнул царь. Луи-Филипп,

со своей стороны, обижался, что его не считают за равного и что русские, приезжающие в Париж, не оказывают ему должного почтения, а ведь именно благодаря ему Франция не стала республикой и в ней поддерживался относительный порядок, что отмечали, между прочим, даже авторы отчета III Отделения за 1839 год:

Демонический француз

Говорят в шутку, что он [Луи-Филипп] исправляет во Франции должность русского полицмейстера и, наблюдая за польскими выходцами, доносит о них русскому правительству.

Польская тема особенно сильно омрачала франко-русские отношения: поляки в конце 1830 года подняли восстание против России, а после его подавления в сентябре 1831 года многие жители Польши бежали именно во Францию; выше, в главе первой, уже упоминался принятый в 1832 году французским парламентом закон о политических беженцах. От этого репутация французов в глазах российского императора сделалась еще более сомнительной.

В течение всего царствования Николая, а особенно после французских революций 1830 года и 1848 года французы постоянно находились под подозрением. Пожалуй, хуже них, с точки зрения императора, были только поляки. Император, по свидетельству французского посла в России Проспера де Баранта (в донесении от 6 ноября 1836 года), был убежден, что от поляков «ничего хорошего ждать не приходится»; о французах он, по всей вероятности, думал то же самое. Во всяком случае, когда австрийский инженер Франц фон Герстнер, приглашенный в Россию для участия в строительстве железной дороги, попросил разрешения нанимать на работу иностранцев, Николай разрешил ему набирать всех, кроме французов. «Этих, – сказал он, – мне не надобно».

Впечатление, что все французы поражены «ультралиберальной гангреной» (по выражению одного тайного агента в начале 1830-х годов), присутствовало в умах не только у императора, но и у рядовых обывателей. Вот характерный эпизод: в конце 1830 года в Ревеле титулярный советник Сермягин поссорился по вполне бытовому и совершенно не политическому поводу со своим соседом-французом, консульским агентом Мирандой; русский дал француз пощечину, осыпал угрозами и – внезапно переведя разборку на политический уровень – добавил, что вообще все французы мятежники; в результате в дело пришлось вмешаться послу и потребовать оправдать честь Франции и французского короля.

Вообще число французов, приезжавших в Россию на время или проживавших в ней постоянно, было не слишком велико. В среднем в 1830–1850 годах, по подсчетам французского исследователя Поля Жербо, в Россию приезжало в год от двух до пяти сотен французов (что составляло от одного до двух процентов от всех отъездов из Франции за границу). Французы не только приезжали, но и уезжали, так что общее число прирастало не слишком сильно. Например, в 1839 году, согласно ведомостям III Отделения, в Петербург приехало 420 французов (233 мужчины и 187 женщин), а выехал 261 человек (121 мужчина и 140 женщин). По данным, приводимым демографом В. М. Кабузаном, сальдо внешней миграции (то есть разность между числом прибывших в Российскую империю и убывших из нее) составляло для французов +0,1 в 1828–1830 годах, +0,8 в 1831–1840 годах, +1,6 в 1841–1850 годах. Однако в точном соответствии с пословицей о страхе, у которого глаза велики, императору мерещились в его владениях грозные толпы французов. В 1845 году он поделился с дипломатом Фердинандом де Кюсси своими опасениями по поводу новых транспортных средств – железных дорог и пароходов, благодаря которым представители самых низких слоев общества смогут без труда путешествовать и «грязь, спокойно лежавшая на дне, поднимется на поверхность»:

Я знаю, что в чужих краях нас считают слишком суровыми, слишком придирчивыми по отношению к путешественникам, но как, скажите, обойтись без самого внимательного и постоянного надзора над этой массой людей, которые по большей мере являются к нам, надеясь разбогатеть? Знаете ли вы, что в Петербурге проживает 10 000 французов?

Число, приведенное императором, судя по всему, сильно завышено. По данным статистиков XIX века, в 1843 году резидентов-французов в Петербурге проживало 3027 человек, а в Москве – всего шесть сотен. Пятью годами позже в Петербурге их осталось 2670; для сравнения: немецкая колония в столице в этом же 1848 году насчитывала, по самым скромным подсчетам, 35 000 человек. Десять же тысяч французов, пожалуй, с трудом набралось бы во всей Российской империи (по сведениям французского консула в Москве, в 1854 году их проживало в России от восьми до десяти тысяч).

Тем не менее правда, что многие французы ехали в Россию в надежде заработать денег и в 1830-е, и в 1840-е годы. Автор книги о надзоре за иностранцами в первой половине XIX века А. В. Тихонова называет французов, наряду с подданными Пруссии и Великобритании, лидерами по числу приехавших в Россию в конце 1830-х – начале 1840-х годов. Приезжали люди самых разных профессий: инженеры (несмотря на цитированный выше брезгливый отказ императора) и востоковеды, актрисы и гувернантки, театральные машинисты и зубные врачи, пирожники и механики, художники и музыканты, коммивояжеры и слуги. Конечно, успех ждал не всех приехавших. В интересах неудачников в 1820 году была даже создана Французская благотворительная ассоциация Санкт-Петербурга, которая предоставляла французам, потерявшим работу в России, средства для возвращения на родину; ее создатели специально предупреждали, что готовы помогать людям больным, не способным самостоятельно заработать на пропитание, но не тем, кто явился в Россию, легкомысленно поверив соблазнительным рассказам о возможности преуспеть здесь в самое короткое время. Однако эти предупреждения не приносили желаемого результата, и двадцать лет спустя, в 1842 году, руководители ассоциации по-прежнему жаловались на обилие французов, приехавших в Россию, но не нашедших здесь работы. Однако немало было и таких французов, которые работу находили.

Выше много говорилось о той дурной репутации, какую имели французы в глазах Николая I и его приближенных. Однако присутствие в России «полезных» французов заставляет скорректировать картину полного неприятия и отвержения. «Полезные» французы отнюдь не считались опасными смутьянами (хотя такую возможность власти неизменно подразумевали); они не только спокойно трудились в России, но порой даже просили российского подданства и довольно легко его получали (разумеется, в том случае, если речь шла не о католическом священнике). Вот, например, короткая история дантиста Жоли. 29 октября 1831 года московский гражданский губернатор Николай Андреевич Небольсин сообщил Бенкендорфу, что

французский подданный, зубной врач Карл Жоли, представя в Московское губернское правление аттестат на звание лекаря, просит о приведении его к присяге в подданство России и о выдаче надлежащего о том свидетельства.

Небольсин уточнил:

Представляя при сем означенный аттестат, я имею честь испрашивать разрешения Вашего Высочайшего Величества о приведении к присяге Карла Жоли на верность подданства Российскому престолу. При чем нужным считаю присовокупить, что Карл Жоли родился во Франции в городе Месс и в Россию приехал в 1825 году, образа жизни и поведения хорошего, а занятия его состоят в лечении зубной боли.

8 ноября 1831 года из III Отделения был подан императору «всепопданнейший доклад о принятии в вечное подданство России французского подданного зубного врача Шарля Жоли», и через 10 дней Бенкендорф известил Небольсина о Высочайшем соизволении Его Императорского Величества на то, чтобы Жоли был в российское подданство принят. После

этого дантисту следовало принести «присягу на верность подданства Российскому престолу» в Московском губернском правлении. Губернское правление обязано было сообщить о принятии присяги иностранцем в канцелярию губернатора, а тот – известить об этом министра внутренних дел (это последнее правило было введено в конце 1840-х годов). Иностранец, ставший российским подданным, получал те же права, что и коренные жители (потомки этих обрусевших французов живут в России до сих пор; в Москве существует специальная Ассоциация потомков французских семей в России, занимающаяся историей этих родов).

О том, какие французы были «востребованы» в России, позволяет судить, например, тот (упоминавшийся выше в главе первой) список 49 французов обоного пола, принявших русское подданство с 1827 по 1834 год, который в апреле 1834 года представил вице-канцлеру Нессельроде французский посол маршал Мезон. Вот их профессиональный состав: учителя, земледелец, гувернер, слуги, негоцианты, дворецкий, купец, фабриканты, дантист (уже знакомый нам Жоли), приказчики, актриса (Фелисите Гюллен, к которой мы еще вернемся в главе шестой), камердинер, аптекарь, переплетчик.

Еще более полное представление об отношении властей к «полезным» иностранцам (а среди них не последнее место занимали французы) дает эпизод 1841 года, когда был собран специальный «комитет об иностранцах», призванный разработать меры «для отвращения многочисленного приезда в Россию бесполезных и вредных иностранцев». Одна из этих мер была предложена министром финансов, который полагал, что «было бы полезно обложить пароходы определенным не слишком высоким платежом за каждого иностранца, подобно тому как платят за паспорта отъезжающие за границу русские подданные: ибо пароходы, по незначительности издержек за переезд, составляют главную причину умножения у нас вредных иностранцев». Бенкендорф, со своей стороны, предложил существенно (в десятки раз) увеличить взимаемые с иностранцев пошлины, и император «предварительно соизволил на это», однако тут министры, входившие в комитет, судя по всему, испугались каждый за свою отрасль и «изъявили опасения, чтобы с введением новых правил не произошли случаи, затруднительные для нашего государства». Иностранцев разделили на категории, и тотчас выяснилось, что практически ни одну из них нельзя обидеть повышением пошлин.

Министр финансов [Е. Ф. Канкрин] отозвался, что не только иностранные купцы, шкипера, фабриканты, заводчики, но даже занимающиеся обыкновенными ремеслами, например парикмахеры, булочники и проч., привозя с собой товары, нововведения и улучшения в искусствах и ремеслах, еще весьма полезны и надлежит даже поощрять приезд их в Россию. Точно так же министр народного просвещения доказывает, что учителей и гувернеров в России еще не столько находится, чтобы возможно было обойтись без иностранцев. Министр иностранных дел озабочивается, чтобы чрезмерным затруднением приезда иностранцев в Россию не были нарушены договоры наши с иностранными державами.

Общее мнение комитета состояло в том, «чтобы пошлины наложить сколь возможно умеренные, дабы с затруднением приезда бесполезным и вредным не затруднить приезд иностранцам, еще необходимым для нашего отечества». А к таковым, по мнению министра финансов, принадлежали люди самых разных профессий: «мануфактуристы, смотрители фабрик, овцеводы, практические химики, механики и высшие ремесленники, как то: оружейники, литейщики, рудокопы, сахаровары, мастера суконных, шерстяных, ваточных, ковровых, шелковых, блондовых, ленточных, басонных, позументных, парчевых, шалевых, бумажных» и т. д. Обо всех них министр финансов высказался в том смысле, что «люди сии необходимы для поддержания и успехов нашей промышленности, без них она не только

отстанет от прочей Европы, но придет в совершенный упадок». Даже у домашних учителей и гувернеров, не имеющих «звания университетского бакалавра», нашелся защитник: министр народного просвещения Уваров предлагал вообще запретить им проезд в Россию, но министр финансов Канкрин возразил, что такие люди «еще необходимы для России и затруднять проезд их значило бы затруднять воспитание детей и положить тяжкий налог на родителей». А за «актеров, танцовщиков и прочих лиц, принадлежащих к театру» заступился лично император, «соизволивший зачеркнуть» их в первоначальных таблицах графа Бенкендорфа. В конечном счете к числу «бесполезных или вредных» были отнесены только модистки, которые, «по мнению министра финансов, приезжают к нам в большем числе, нежели сколько было бы нужно», да еще аферисты и разносчики, «производящие торговлю мелочами и в разброд». Со всех, кроме представителей этих немногих категорий, решили собирать въездные пошлины, но «умеренные» и не идущие ни в какое сравнение с первоначально предложенными огромными (до нескольких тысяч рублей) суммами.

А через три года для иностранцев и вовсе вышло «ослабление»: 19 января 1844 года был принят сенатский указ, гласивший, что на вопрос графа Бенкендорфа о том, «как следует поступать с иностранцами, которые будут испрашивать от местных губернских начальств видов для пребывания в России, по истечении срока заграничным их паспортам», император

Высочайше повелеть соизволил: предоставить иностранцам, приезжающим в Россию со срочными паспортами, неограниченную свободу жить в России, несмотря на сроки, назначенные в паспортах их правительств, если к удалению их из Империи не представится других уважительных причин.

Впрочем, об особенных «ослаблениях» применительно к этой эпохе говорить, конечно, не приходится. 9 октября 1847 года «по Высочайшему повелению» был принят сенатский указ, который обязывал фабрикантов, выписывавших работника из-за границы, предварительно испрашивать на это позволение местного полицейского начальства и давать подписку в том, что они «принимают на себя полную ответственность за образ его мыслей и поведения»; только при наличии такого позволения российские миссии и консульства за границей имели право завизировать паспорт въезжающего иностранца. Запрет касался низших сословий, потому что именно их российские власти считали главным рассадником социалистических и коммунистических идей. Исключение делалось только для «природных англичан»: от них ожидали возрождения российской промышленности. А в 1848 году правила пропуска иностранцев сделались еще строже: сразу после французской февральской революции был запрещен въезд в Россию «первоначально французам, а вскоре и прочим европейцам, за весьма немногими исключениями». Конечно, какие-то иностранцы в Россию все равно приезжали, но сделать это стало еще труднее; например, теперь помимо визы российского консула непременно требовалось еще и разрешение российского Министерства иностранных дел на постановку этой визы в паспорт иностранца. В результате в 1848 году въезд иностранцев сократился вдвое по сравнению с предыдущим годом (10 000 вместо 22 000). Что же касается тех иноземных подданных, которые проживали в России, в частности в обеих столицах и в Одессе, то их в 1848 году по приказу императора предупредили о том, что за любое обсуждение европейских революционных событий они будут привлечены к ответственности; за один этот год, согласно статистике III Отделения, был выслан из России 31 человек.

В начале 1850-х годов боязнь пагубного иностранного влияния была так велика, что гимназические учителя-французы могли выехать в отпуск во Францию только при наличии высочайшего дозволения. Требования предварительных разрешений как местного полицей-

ского, так и высшего начальства были отменены для иностранцев, желающих въехать в Россию, только в конце 1856 года, уже при новом императоре.

Неприязнь российского императора к «июльской» Франции увеличивал и тот факт, что правительство Луи-Филиппа не выдавало политических преступников и «невозвращенцев», и поэтому Париж постепенно становился центром русской политической эмиграции.

Таким образом, Николай I и его приближенные относились к иностранцам с неизменной подозрительностью, которая становилась тем сильнее, чем сильнее разгоралась «революционная смута» в чужих краях. Отчет III Отделения за революционный 1848 год сформулировал это весьма выразительно:

Все русские уже по здравому их суждению чужды настоящего бессмысленного стремления иностранцев к невозможному <...> современные события еще более убедили, что Россия не должна завидовать восхваленному просвещению Франции и Германии, которые от брожения умов ныне гибнут в безначалии.

И тем не менее изоляционистские тенденции, бесспорно весьма сильные в царствование Николая I, постоянно уравнивались тенденциями другого рода: приближенные царя сознавали, что «обойтись» без иностранцев невозможно ни в одной сфере материальной жизни, и это позволяло, например, французскому послу в России Просперу де Баранту в донесении от 22 июля 1837 года выражать уверенность в том, что «в эпоху, когда средства сообщения между странами так усовершенствовались и когда, из самолюбия или корысти, власти стремятся поощрять торговлю и промышленность», Россия непременно подпадет под «цивилизующее влияние Европы», а все декларации императора против Запада останутся простой риторикой. Кстати, тот же Барант, наблюдатель внимательный, хладнокровный и старавшийся быть беспристрастным, писал 22 марта 1836 года совершенно твердо, что вся критика июльской Франции ничуть не помешает императору «сделать нам самые любезные авансы, лишь только обнаружится у него в том нужда». Жизнь довольно скоро подтвердила это предсказание: осенью 1846 года Франция и Россия подписали трактат о торговле и мореплавании, а в 1847 году, когда Франция остро нуждалась в деньгах из-за прошлогоднего неурожая, Французский банк и российский поверенный в делах Н. Д. Киселев заключили конвенцию о покупке Россией французских государственных бумаг на 50 миллионов франков по весьма выгодному курсу. По афористическому выражению историка XIX века Ф. Мартенса, «пропасть отделяла императорский двор от двора Луи-Филиппа, однако этой пропасти нисколько не существовало между Россией и Францией».

«Полезные французы» оставались в цене даже в самые напряженные моменты русско-французских отношений.

Характерна, например, эволюция правительственных постановлений сразу после того, как до Петербурга дошли известия об Июльской революции 1830 года. 4/16 августа 1830 года датирована циркулярная депеша временно управляющего Министерством иностранных дел Х. А. Ливена, адресованная российским дипломатическим представителям за границей и предписывавшая, среди прочего, «недопущение любого французского подданного на территорию Империи, Царства Польского или Великого княжества Финляндского». Так вот, эти жесткие ограничения начали смягчаться почти немедленно; уже 21 августа последовало высочайшее повеление

впускать в Российские губернии, Царство Польское и Финляндию тех из Французских подданных, кои, выехав из оных во Францию или другие государства на время, будут, по миновании надобностей их, возвращаться в Россию, Царство Польское или Финляндию, но прежде удостоверясь, что они суть точно те лица; равно впускать в границы наши следующих

из Франции с депешами курьеров к французскому посольству в С [анкт] – Петербурге и французскому консулу в Варшаве и другие лица, отправляемые из Франции к Высочайшему двору.

В тот же день были приняты решения «насчет пропуска французских подданных, приезжающих в Россию по видам торговли, ремесел и вообще какой-либо промышленности на всех пунктах границы нашей».

Другой пример: в том же самом 1847 году, когда, как рассказано выше, ужесточились правила впуска иностранных работников, было введено правило, облегчавшее жизнь «приезжающим из-за границы иностранным купцам, художникам и ремесленникам». Теперь они могли направляться к месту следования, не предъявляя путевых билетов на проезд в каждом губернском городе, лежащем на их пути (напротив, путешественники, «имеющие предметом одно лишь любопытство и удовольствие», этой льготы не получили). А осенью 1848 года, в послереволюционную пору, когда, как уже было сказано, иностранцам доступ в Россию был закрыт, император позволил тем не менее приехать в Россию графу Ришбургу, изобретателю способа сохранять говядину без соли, и Бонфору, владельцу имения в Крыму, где разводили овец-мериносов (относительно Ришбурга, впрочем, впоследствии выяснилось, что он не граф, не Ришбург и не изобретатель, а авантюрист, и уже при следующем царствовании, в 1862 году, его из России выслали). Вообще ситуация 1848 года особенно ярко показывает расхождение общих постановлений и их конкретных применений; как заметил еще полвека назад историк А. С. Нифонтов, в 1848 году

въезд и выезд из России был ограничен, но никогда не прерывался. По делопроизводству III Отделения можно установить сотни случаев, когда по особому ходатайству иностранные подданные все же получали визу на въезд в Россию. Выдача таких разрешений производилась только через 3-ю экспедицию этого учреждения, по которой только за один 1848 год в связи с этим вопросом было заведено до 1000 особых дел. <...> Ходатайства на въезд через Министерство иностранных дел поступали в III Отделение часто целыми списками. Это были иностранные купцы, квалифицированные специалисты, ремесленники, воспитатели в дворянских семьях и т. д.

И это в революционном году! В спокойные же годы полезных французов тем более принимали на ура; вышеупомянутый Проспер де Барант свидетельствовал, что если к поездкам русских людей во Францию правительство относится крайне неодобрительно, то

французов, приезжающих в Россию, встречают в основном очень радушно и вовсе не преследуют. Некоторых из них, могущих принести пользу, даже приглашают нарочно. Под руководством француза г-на Шато прокладывают телеграфные линии. Г-н барон Эртелу привез новый образец ружья, как говорят, весьма удачный, и только что получил, вдобавок к весьма значительной денежной сумме, орден Святого Владимира. Г-н Броссе, ученик г-на де Саси [известного ориенталиста], был принят в Академию и получил хорошее место.

Между прочим, Франсуа-Мари-Фелисите Броссе (1802–1880), прибывший в Россию в 1837 году, прижился здесь прекрасно: оставался в России до самой смерти, то есть почти сорок с лишним лет, «русифицировался» настолько, что именовался Марием Ивановичем, был избран ординарным академиком и состоял библиотекарем в Императорской публичной библиотеке. И никто уже не помнил, что в 1834 году, когда Броссе, влюбленный в грузинский язык и грузинскую культуру, собрался в Россию впервые, на него из Парижа поступил в III

Отделение донос, в котором его обвиняли в связях с мятежными «грузинскими и имеретинскими царевичами», проживающими в Париже, и в том, что в Россию он едет вовсе не ради науки, а для того, чтобы заниматься шпионажем.

К «полезным» и «опасным» французам отношение было совершенно различное. Вот, например, летом 1837 года атташе французского посольства Сольти захотел поехать на Кавказ, но в то же самое время в путешествие по своей стране собрался император Николай I, и потому французскому послу было сообщено, что «Государю неуютно сообщаться со своими подданными в присутствии иностранцев» и вообще он «не желает, чтобы кто-то оказывался у него на пути без приглашения». Француз-туристу вежливо предложили не путаться под ногами у императора и попутешествовать в другом месте, что он и сделал и вместо Кавказа отправился в Крым. Но зато художника Ораса Верне император в 1842 году взял с собой в путешествие по империи – потому что этот художник приехал в Россию по приглашению императора.

«Полезные» французы, обосновавшиеся в России, старались оправдать доверие. В марте 1848 года, вскоре после того как во Франции произошла революция, все французы, проживавшие в Москве, были вместе с консулом вызваны к военному генералу князю А. Г. Щербатову, который, в согласии с волей императора, пообещал тем, кто не будет «мешаться в политические дела» и продолжит «тихо» заниматься делами домашними и коммерческими, полную неприкосновенность. Тем, кто на эти условия не согласен, Щербатов предложил выехать во Францию (то же условие шеф жандармов А. Ф. Орлов еще прежде объявил французам, проживающим в Петербурге). Так вот, московский почт-директор А. Я. Булгаков, описавший эту сцену в своих записках, триумфально восклицает: «Замечания достойно, что из 500 или 600 человек, собравшихся у князя Щербатова, токмо *один* изъявил желание возвратиться во Францию».

Конечно, если обращать внимание только на судьбу «полезных» французов, картина выйдет чересчур благостная. Недоверие к французам и ожидание от них каких-нибудь неблагоприятных высказываний или преступных деяний сохранялось у Николая I и его высшей полиции постоянно. В связи с этим использовались разнообразные формы надзора за потенциальными носителями либеральной заразы, от которой сотрудники III Отделения во что бы то ни стало хотели охранить «наши пределы».

Одним из самых действенных методов Бенкендорфу и его подчиненным казалось «вскрытие корреспонденции»; Бенкендорф еще в «проекте об устройстве высшей полиции», датированном 12 апреля 1826 года (то есть написанном еще до официального учреждения III Отделения), указывал на перлюстрацию как на «одно из средств тайной полиции и притом самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи». Необходимо, писал Бенкендорф, «лишь иметь в некоторых городах почтмейстеров, известных своею честностью и усердием». Вскрытие частных писем в России сделалось поистине национальной чертой; характерно, что слово «перлюстрация», широко применявшееся в XIX веке в русских официальных документах, в европейских языках в то время практически не употреблялось (хотя и выглядит галлицизмом), да и сейчас во Франции, например, его используют только слависты, исследующие историю России и/или Советского Союза.

Во Франции говорят о «перехваченных письмах» (*lettres interceptées*) или употребляют возникший в первой трети XIX века для обозначения места, где происходит распечатывание, термин «черный кабинет». Лексикограф и замечательный знаток истории французского языка Филипп Бартеле приводит одно-единственное употребление слова *perlustration* во французском языке XIX века: в романе «Сан-Феличе» (1864) Александр Дюма говорит о *perlustration* по улицам Неаполя. Разумеется, в этом случае речь идет не о вскрытии частной корреспонденции, а о прогулке, разведке, осмотре (от итальянского *perlustrazione*, которое тоже не имеет никакого отношения к чтению чужих писем). Впрочем, отсутствие слова

отнюдь не означает отсутствия во французской истории самой практики вскрытия частной корреспонденции. Один французский политик середины XX века назвал тайную полицию службой «политической метеорологии»; так вот, вскрытие писем – неперемный рабочий прием этой метеорологической службы. Оно процветало при Старом порядке; после Революции 1789 года его гневно осудили как «одно из самых абсурдных и подлых изобретений деспотизма», но уже в 1791 году восстановили для писем, приходящих из-за границы или отправленных туда. Наполеон также прибегал к перлюстрации и, по его собственному позднему признанию, охотно читал переписку своих министров, камергеров и генералов; правда, относительно писем простых граждан он считал, что их вскрытие принесет больше вреда, чем пользы. Читали чужие послания и в эпоху Реставрации: король сообщал директору почтовой службы имена тех людей, с чьими письмами хотел бы ознакомиться, во время сортировки корреспонденции эти письма откладывали в сторону и передавали в «черный кабинет», где с ними «работали», а затем специальный почтальон доставлял их адресатам – естественно, с опозданием. Делалось это втайне, однако в самом конце эпохи Реставрации тайное стало явным и разгорелся скандал, приведший к отставке директора почтовой службы Вольшьё; власти пообещали закрыть «черный кабинет», но на самом деле всего лишь перенесли его в другое место. После Июльской революции вскрытие писем опять-таки подверглось решительному осуждению, однако само обыкновение при необходимости вскрывать их не исчезло, хотя и стало более редким. А при Второй империи надобность в тайном «черном кабинете», казалось бы, отпала вовсе, но отнюдь не потому, что власти сделались менее любознательны, а потому, что еще в 1853 году было выпущено специальное постановление, дававшее право префекту полиции и префектам департаментов затребовать у почтовой администрации любое интересующее их письмо. Однако при этом все должно было строго соответствовать букве закона. Когда в 1867 году стало известно, что внук Карла X (к этому времени заменивший титул «герцог Бордоский», полученный при рождении, другим – «граф Шамборский») разослал своим сторонникам обычной почтой автолитографированное послание на политические темы, префект полиции поручил генеральному директору почтовой службы изъять эти письма, а тот отдал соответствующее приказание почтовым служащим. Однако при этом были нарушены некоторые юридические процедуры, вследствие чего разразился большой скандал, причем французы не только возмутились произволом, но и отреагировали в присущей им остроумной манере: в течение некоторого времени шутники предупреждали прямо на конверте, что в нем не содержится «ничего от графа Шамборского».

Что же касается перлюстрации в России, то ее формам и совершенствованию посвящена недавно вышедшая в «Новом литературном обозрении» подробная монография В. С. Измозика «„Черные кабинеты“». История российской перлюстрации XVIII – начала XX века», поэтому любознательных я отсылаю к ней. Здесь же достаточно будет сказать, что «немножко распечатывали» (по выражению из гоголевского «Ревизора») письма не непосредственно сотрудники III Отделения, а почтовые чиновники, трудившиеся в секретной экспедиции почтового ведомства (так называемых «черных кабинетах», учрежденных при почтамтах некоторых городов). Причем распечатывали не по собственному выбору, а в соответствии с указаниями, поступающими из III Отделения. Туда они и отправляли сделанные ими выписки из писем, а глава III Отделения «всеподданнейше» докладывал о них императору. Корреспонденция из Франции вызывала у властей особые подозрения, которые стали еще сильнее после подавления Польского восстания и эмиграции многих его участников в эту страну. Отсюда такие меры, как приказ Бенкендорфа от 15 декабря 1832 года, предписывавший, «чтобы все письма, из Парижа получаемые, были пересматриваемы» и те из них, при которых окажутся «возмутительные прокламации» от поляков, доставлялись к главноначальствующему над Почтовым департаментом князю А. Н. Голицыну. В апреле 1833 года

та же мера была распространена на Безансон (где с января 1832-го по май 1833 года располагался приют для польских эмигрантов), а в мае 1833 года Бенкендорф известил князя А. Н. Голицына о повелении императора отдать приказ, чтобы во всех почтовых конторах западных губерний все письма, приходящие из Франции, а также туда направляемые, доставлялись к начальнику почтового ведомства.

Подобные постановления нередко имели неприятные последствия для французов, приехавших в Россию и отославших на родину чересчур откровенное письмо либо получивших с родины послание, также страдающее излишней откровенностью. Два таких эпизода, окончившихся, впрочем, по-разному, рассмотрены ниже, в главах пятой и шестой. В обоих этих случаях в перлюстрированных письмах были обнаружены неблагоприятные суждения о России. Впрочем, для того чтобы навлечь на себя преследования российских властей, было совершенно не обязательно критически отозваться именно о России. «Французский подданный доктор медицины Сат», собравшийся в Россию для борьбы с холерой в ноябре 1830 года, был через несколько дней после приезда выдворен из Петербурга за границу только потому, что при нем нашли черновик его письма к некоему португальскому барону с весьма нелицеприятными отзывами о португальском короле доне Мигеле, названном «коронованным тигром». Этого оказалось достаточно, чтобы Сат был взят под стражу, а затем по высочайшему повелению

с приготовленным для него заграничным паспортом отправлен в сопровождении полицейского офицера в Ригу, при отношении петербургского генерал-губернатора к тамошнему военному губернатору об отправлении его за границу чрез Поланген, с восприемлением обратного въезда в Россию.

Вообще эпистолярная откровенность нередко подводила французов, причем если не подвергнуться высылке, то попасть под тайный надзор можно было буквально за два-три неосторожных слова. Вот случай, происшедший в 1854 году: французский подданный художник Дюпрессуар (Dupressoir), или, как не совсем точно именуют его полицейские документы, Дюпрессоа, выехал из России, где прожил десять лет. Между тем уже шла Крымская война, и в соответствии с условиями военного времени тогдашний глава III Отделения граф А. Ф. Орлов предписал таможенному ведомству Царства Польского:

1. Если при осмотре на таможенных выезжающих за границу, без возврата в наши пределы, англичан и французов, окажутся при них бумаги чрезвычайной важности, которые, сделавшись известными за границу, могут принести вред нашему отечеству, то лица, у коих таковые бумаги будут найдены, должны быть задержаны на таможенных впродолжение до получения о них приказаний, а бумаги доставлены в канцелярию наместника для просмотра.

2. В случае обнаружения бумаг только подозрительных, можно ограничиться отобраением и доставлением в канцелярию наместника бумаг, без задержания самих лиц, у которых будут отобраены.

Согласно этому предписанию исправляющий должность наместника главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами граф Ф. В. Ридигер 8/20 июня 1854 года донес Орлову, что у француза Дюпрессоа отобраены чертежи и письма. На чертежах изображены были разные русские крепости: Петропавловская, Шлиссельбургская, Кронштадтская, и это вызвало подозрения. Правда, в III Отделении сочли, что «быть может, он, как живописец морских видов, делал эти рисунки как подготовку будущих пейзажей», и «хотя из предосторожности было бы лучше чертежи эти удерживать», все же «со временем, когда обстоятельства позволят», возможно будет возвратить их владельцу. Однако император приказал чертежи

уничтожить. В письмах самого Дюпрессоа ничего предосудительного не обнаружилось, и их «препроводили» из III Отделения графу Ридигеру для пересылки владельцу. Но одно подозрительное среди них все-таки нашлось, хотя Дюпрессоа к нему отношения не имел. Его просто передал с ним некий маляр Руьи, или, согласно тогдашней русской транскрипции, Рульи (Rouilly), решивший известить парижского друга Аристида, что тот поступил совершенно правильно, не приехав в Россию, поскольку заработать здесь было бы можно, лишь если бы местные жители были более честны, однако до этого пока далеко. Вердикт III Отделения гласил: «В этом письме Рульи отзывается невыгодно о России и называет ее неблагоприятною страной, а жителей бесчестными», а посему А. Ф. Орлов попросил Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора приказать учредить за Рульи секретный надзор.

Перлюстрация была не единственным способом надзора за иностранцами. У III Отделения имелись тайные агенты, которые, со своей стороны, вели наблюдения за подозрительными французами и сообщали о подсмотренном и подслушанном. Между прочим, в годы Реставрации и Июльской монархии подобная практика существовала и во Франции. Шатобриан в уже упомянутых мемуарных «Замогильных записках» описывает возвращение перелетевших агентов в префектуру полиции после ночного дежурства. Дело происходило в июле 1832 года, то есть уже при Июльской монархии, которую Шатобриан отказывался признавать, а потому описание его предельно пристрастно, однако дает представление о тогдашних способах тайного надзора:

Одни были наряжены зеленичками, уличными зазывалами, угольщиками, грузчиками с рынка, старьевщиками, тряпичниками, шарманщиками, другие нацепили на голову парики, из-под которых выбивались волосы совсем другого цвета, на лицах третьих красовались фальшивые бороды, усы и бакенбарды, четвертые волочили ногу, словно почтенные инвалиды, и выставляли напоказ маленькую красную ленточку в петлице. Они пересекали маленький двор, скрывались в доме и вскоре являлись преображенными, без усов, без бород, без бакенбард, без париков, без заплечных корзин, без деревянных ног и рук на перевязи: все эти ранние полицейские пташки разлетались с первыми лучами восходящего солнца.

Впрочем, без особого почтения относились к французским полицейским агентам и префекты (главы департаментов), пользовавшиеся их информацией, в частности, для изучения настроений в обществе; один из них в 1826 году возмущался невежеством агента, который на вопрос об «общественном мнении» ответил: «Общественное мнение то же, что и прежде». Нередки были случаи, когда агенты упускали из виду важные в политическом отношении события и сосредотачивались на бытовых пустяках; в других случаях они сгущали краски и представляли отчеты чересчур алармистского характера. Тем не менее французские власти продолжали пользоваться услугами полицейских осведомителей; точно так же поступали и их русские коллеги.

Правда, в России для объектов донесений это имело последствия гораздо более неприятные, чем во Франции, где дело зачастую ограничивалось просто изучением «духа» и «настроений» общества, в более же серьезных случаях заканчивалось судом, где обвиняемые могли прибегать к помощи адвокатов. В России все решалось куда более «патриархально» и без состязательных процедур. Так, осенью 1830 года агент Локателли (печально известный по причастности к тайному надзору за Пушкиным) проинформировал начальство, что француз Виктор Амантон, занимающийся в Симферополе разведением виноградных садов, грешит как в Крыму, так и в Одессе разговорами, обличающими его либеральный и даже якобинский дух. На это последовало высочайшее повеление неблагонадежного француза «выслать за границу с воспрещением обратного пропуска в Россию». Местное началь-

ство пыталось возражать; исправлявший должность генерал-губернатора новороссийского и бессарабского А. И. Красовский извещал Бенкендорфа, что «помянутый иностранец стал довольно богатый человек, сделавший значительное заведение по садоводству на Южном берегу Крыма», что «он всегда вел себя весьма скромно и занимался только своим делом» и хотя в самом деле «после восстания во Франции он, будучи в одном доме в Симферополе, имел неосторожность говорить довольно вольно о правлении в его отечестве», но явно способен образумиться. Красовский указывал также на то, что «составившееся в Крыму общество акционеров для вывоза туземных вин избрало директором иностранца Амантона как человека, сведущего по части виноделия и имеющего в Крыму значительное заведение, еще летом сего года, то есть в то время, когда в поведении его не обнаруживалось ничего предосудительного и когда не последовало еще Высочайшего повеления о высылке его за границу». Однако экономические аргументы, как это нередко случается, оказались слабее политических. Заступники Амантона добились лишь отсрочки: французу предоставили два месяца для приведения своих дел в порядок, а потом все-таки выставили его из России. Правда, год спустя по ходатайству М. С. Воронцова, генерал-губернатора новороссийского и бессарабского, император «изволил изъявить Высочайшее согласие» на возвращение Амантона в Россию, но француз этим позволением не воспользовался, а через полтора десятка лет, в 1845 году, обратился к императору с просьбой о возмещении ему понесенных убытков. В этом прошении он, среди прочего, изумлялся: на кого же я мог оказывать дурное влияние своими речами, если жил посреди татарских деревень, а местного языка не знаю? Разумеется, А. Ф. Орлов, сменивший к этому времени Бенкендорфа на посту главы III Отделения, «не нашел возможным войти в какое-либо распоряжение по представленной ему просьбе».

Почти в то же время от доноса агента пострадал житель Петербурга Александр Гибаль. Из написанного по-французски очень пространного и очень безграмотного доноса, поданного в III Отделение анонимным агентом и претендующего на дословную передачу подслушанного разговора, следовало, что 18 сентября 1830 года после концерта оперной певицы Зонтаг некто Гибаль отправился в ресторацию Палкина (в доносе Balkin) и там рассказывал о беспорядках в Европе, которые наверняка докатятся и до России, потому что поляки в Варшаве ненавидят русских. Завершив пересказ предосудительных речей Гибалья, агент заключал: «Все это обычные речи французских болтунов, взрослых на биваках. <...> Сами по себе они не опасны, но могут невольно повредить неопытному юношеству <...> Желательно, чтобы такие люди покидали страну навсегда». Бенкендорф согласился со своим агентом; на сопроводительной записке к доносу он сообщил императору: «Разговор этот состоялся между ним и одним из моих людей, которого я знаю за человека правдивого; этого Гибалья хорошо бы выслать; мне известно, что он личность неблагонадежная», а император сделал на полях помету, утверждающую предложение главноначальствующего III Отделением: «Выслать». От высылки из России Александра Богдановича Гибалья спасло лишь то, что он, как довольно скоро выяснили в III Отделении, несмотря на французскую фамилию, был российским подданным; однако за разговорчивость он все-таки поплатился высылкой из Петербурга в Оренбург.

А вот другой француз по рождению, Альфонс Жобар, хотя с семнадцатилетнего возраста жил на территории Российской империи и занимался здесь преподаванием в высших учебных заведениях, в российское подданство не вступил – и вследствие конфликтов с попечителем Казанского учебного округа М. Л. Магницким, а затем с министром народного просвещения С. С. Уваровым в 1836 году был выслан из России с воспрещением возвращаться обратно. Российские власти, не желая судить Жобара уголовным судом, объявили его сумасшедшим, но строптивый профессор в ответ потребовал медицинского освидетельствования и получил документ о том, что не безумен. Перипетии борьбы француза против российских властей изложены в статье М. Б. Велижева «Петр Чаадаев и Альфонс Жобар», к которой я

и отсылаю читателей; для меня здесь важно различие в обхождении с французами разного подданства: один француз отправился искупать свою вину в Оренбург, а другой – в чужие края, потому что оставался французом не только по рождению, но и по документам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.